

Психология для студента

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ

А.А. Леонтьев

Психология для студента

Алексей Леонтьев
Психология общения

НПФ «Смысл»

1997

Леонтьев А. А.

Психология общения / А. А. Леонтьев — НПФ «Смысл»,
1997 — (Психология для студента)

ISBN 5-7695-2065-5

Учебное пособие включает в себя основополагающую книгу "Психология общения" доктора филологических и доктора психологических наук, академика РАО А.А.Леонтьева, не утратившую своего значения со времени первого издания в 1974 г. а также ряд работ автора, тематически к нему примыкающих и раскрывающих проблемы общения на материале лекционной деятельности, искусства и массовой коммуникации. Психологам и всем, изучающим общую и социальную психологию как профильные и непрофильные предметы.

ISBN 5-7695-2065-5

© Леонтьев А. А., 1997

© НПФ «Смысл», 1997

Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
Психология общения	8
Глава I	9
§ 1. Предмет психологии общения	9
§ 2. Общение и деятельность общения	17
§ 3. Знак и деятельность	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

А. А. Леонтьев

Психология общения

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие ко второму изданию

Книга “Психология общения” вышла первым изданием в издательстве Тартуского университета в 1974 году. Тираж ее был микроскопический – всего 750 экземпляров, и она моментально превратилась в раритет. Но это была первая монография на русском языке о психологии общения, и ее до сих пор помнят и цитируют.

Когда издательство “Смысл” предложило переиздать эту книгу для студентов-психологов, я как автор оказался в трудном положении. За более чем 20 лет (и каких лет!) психология, да и вся ситуация в стране вообще и в науке в частности, изменилась весьма основательно. Что же – переписывать всю книгу заново? Мы решили пойти по другому пути: воспроизвести текст 1974 года, дополнив его несколькими публикациями более позднего времени, показывающими, в каком направлении развивались взгляды автора книги, а также публикациями, дополняющими ее в содержательном плане (например, посвященными психологическим вопросам массовой коммуникации). Таким образом и сложилась книга, лежащая перед читателем.

В 1974 году в книге часто цитировались К. Маркс и Ф. Энгельс, да и вся концепция книги во многом опирается на философию марксизма. Не вижу никакого криминала в этом и сегодня. Так что изменений в этой части книги я не делал, если не считать чисто “косметической” правки – в нескольких местах я убрал естественные для начала 70-х годов обязательные слова и цитаты. Впрочем, мест таких оказалось на удивление мало. Я вычеркнул также два-три утверждения, от которых вскоре пришлось отказаться. Аналогичная косметическая операция произведена с текстами других публикаций.

Многие “герои” книги, бывшие тогда студентами и аспирантами, сейчас широко известны как крупнейшие специалисты. Б.Х. Бгажников стал этнографом, доктором исторических наук и специалистом по адыгской культуре, В.С. Собкин вырос в члена-корреспондента Российской академии образования, В.К. Вилюнас – профессор факультета психологии МГУ, Ян Вальсинер уехал в Швецию и известен сейчас как крупнейший психолог и автор неплохой книги о Л.С. Выготском.

“Психология общения” трижды выходила в Германии в двух различных переводах.

Статья “Деятельность и общение” была написана по заказу редакции журнала “Вопросы философии” как первое из выступлений в задуманной редакцией дискуссии (которую позже кто-то из психологов назвал “последней дискуссией в советской психологии”). Ожидалось, что Б.Ф. Ломов сразу же ответит. Он, однако, тянул более полугода и ответил только в номере восьмом за 1979 год (моя статья вышла в первом номере), причем довольно вяло, так что дискуссия закончилась, не успев начаться. Статья была опубликована также на японском языке.

Раздел, названный здесь “Лекционное общение”, – это отрывок из брошюры “Лекция как общение”, рассчитанной на лекторов и выпущенной обществом “Знание” РСФСР в том же 1974 году, что и “Психология общения”.

“Общение в массовой коммуникации” – раздел из коллективной монографии “Психолингвистические проблемы массовой коммуникации” (М., 1974). Первый параграф этого раздела – незначительно отредактированная статья “К психологии речевого воздействия”, впервые опубликованная в сборнике “Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации” (М., 1972). Эта статья была переведена на английский, немецкий и чешский языки.

Под названием “Искусство как общение” перепечатывается статья “Поэтический язык как способ общения искусством” (Вопросы литературы. 1973. № 6; статья была переведена на немецкий язык). Работа “Психологический подход к анализу искусства” опубликована в сборнике Педагогического общества РСФСР “Эмоциональное воздействие массовой коммуникации: педагогические проблемы” в 1978 году. Наконец, статья “Телевизионное искусство

глазами психолога” вышла в сборнике “Телевидение вчера, сегодня, завтра” (Вып. 4. М.: Искусство, 1984).

Публикуемые здесь статьи имеют отдельные “пересечения” друг с другом и с книгой “Психология общения”. Сначала я пытался от таких повторений избавиться, но это повело к нарушению композиции статей, и в конце концов я решил, что если студент прочитает важную для автора мысль несколько раз в разных контекстах, ничего страшного не произойдет.

... А теперь автор отступает и оставляет читателя наедине со своей книгой. Пусть дальше говорит она.

Психология общения

От автора

Учебное пособие, предлагаемое вниманию читателя, представляет собой курс лекций, прочитанных осенью 1973 года студентам и преподавателям Тартуского государственного университета.

В нем широко использованы более ранние публикации автора, а также материал спецкурсов “Психолингвистика” и “Психологические проблемы общения в больших системах”, прочитанных на психологическом факультете МГУ в 1968–1973 годах, лекций и циклов лекций, прочитанных в те же годы в Университете марксизма-ленинизма АОН при ЦК КПСС, в ЛГПИ им. А.И. Герцена, Институте повышения квалификации АПН СССР, в различных вузах и научных учреждениях Москвы, Минска, Таллинна, Казани, Запорожья, Ташкента, Алма-Аты. Материал, вошедший в курс и затем в книгу, обсуждался на Всесоюзном симпозиуме по общению (Ленинград, 1973), конференции “Мышление и общение” (Алма-Ата, 1973), методологическом семинаре по социальной психологии Института психологии АН СССР, на международных конгрессах по психологии (Лондон, 1969) и антропологии и этнографии (Чикаго, 1973).

Проведенный в настоящей работе анализ не является чисто теоретическим, но опирается на обширный конкретный, в частности, экспериментальный материал, частично полученный в ходе специальных исследований, осуществленных в последние несколько лет под руководством или при участии автора. Самому автору представляется особенно важным указать на то, что он в значительной мере опирался также и на практический опыт прикладных областей психологии общения, охарактеризованных далее; а практика, как известно, есть главный критерий истины.

Задача, стоявшая при написании пособия, была крайне непростой, так как до сих пор на русском языке, насколько нам известно, аналогичных работ не существовало. Это, однако, не служит извинением недостаткам пособия. За указание на них автор будет признателен всем читателям. Один из таких недостатков очевиден уже сейчас – это, несмотря на широко очерченный предмет психологии общения (см. главу I, § 1), известная узость рассматриваемых в книге проблем, бесспорно, не исчерпывающих содержание анализируемой в ней научной области. Именно здесь автор особенно нуждается в советах и указаниях специалистов по психологии общения.

Автор считает своим приятным долгом принести благодарность всем своим российским и зарубежным коллегам и ученикам, в общении (лично и социально ориентированном) с которыми формировались отдельные стороны концепции, изложенной в данной книге, прежде всего – сотрудникам и аспирантам Группы психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания АН СССР и моим тартуским друзьям, особенно Х. Миккину и Я. Вальсинеру. Им я обязан и возможностью ознакомиться с некоторыми работами по проксемике и “социальной технике” общения.

И совершенно особую благодарность автор выражает А.Н. Леонтьеву, к чьей школе он причисляет себя и чьи идеи еще более 12 лет назад дали ему первый толчок к занятиям психологией общения.

Глава I

Деятельность общения как объект научного исследования

§ 1. Предмет психологии общения

Нет ни малейшего сомнения в той огромной роли, которую играет общение (как бы мы его ни определяли) в жизни и деятельности общества. Уже сам процесс социализации человеческой личности, процесс становления отдельного человека как “общественного человека” (Маркс), невозможен без общения; если его роль в этом процессе в нормальных условиях несколько замаскирована, то, скажем, при обучении слепоглухонемых она выступает с особенной ясностью¹. Однако общение есть в то же время и необходимое условие любой деятельности человека, имеющей общественную природу – а поскольку мы в соответствии с традицией советской психологии говорим о деятельности лишь тогда, когда эта деятельность социальна по существу, если не по внешним формам ее осуществления, можно утверждать вслед за ленинградским исследователем В.Н. Панферовым, что “любая человеческая деятельность невозможна вне общения”². Особенно ясно выступают эти функции общения в коллективной трудовой деятельности. Отдельную проблему, приобретающую все большую и большую остроту, составляет роль общения в коллективном познании, – то, что в работах логиков и философов нередко неточно именуется проблемой “языка науки”. Наконец, следует указать и на место процессов общения в диалектике взаимоотношений общественного и индивидуального сознания, в психологическом воздействии общества на его членов, – это особенно существенно в связи с лавинообразным увеличением значимости массовой коммуникации в жизни современного человека.

Так или иначе, но по существу невозможно исследовать развитие и функционирование человеческого общества, развитие и функционирование человеческой личности (не говоря уже о взаимоотношениях личности и общества), не обращаясь к понятию общения, не интерпретируя это понятие тем или иным образом и не анализируя его конкретных форм и функций в тех или иных социальных и исторических условиях. Тем более парадоксально, что понятие общения до сих пор почти не было предметом серьезного монографического рассмотрения, по крайней мере в советской (да и вообще в марксистской), научной литературе. Впрочем, и в зарубежной немарксистской науке пока не существует по-настоящему глубоких и серьезных исследований процессов общения. С этой точки зрения чрезвычайно характерна широко известная монография Ли Тайера³, где с достойной удивления скрупулезностью описываются и анализируются различные более или менее частные проблемы, связанные со структурой процессов и с функциями общения в современном американском обществе, и реферируется громадное число публикаций, однако автор принципиально отказывается не только от методологического анализа сущности общения, но даже и от самой дефиниции общения. А эта книга принадлежит к числу лучших.

¹ Мещеряков А.И. Развитие средств общения у слепоглухонемых детей//Вопросы философии. 1971. № 8; Он же. Слепоглухонемые дети: Автореф. дис... докт. психол. наук. М., 1971.

² Панферов В.Н. Психология общения//Вопросы философии. 1971. № 7. С. 126.

³ Thayer L. Communication and Communication Systems in Organization//Management and Interpersonal Relations. Homewood (Ill.), 1968.

Еще менее благополучно обстоит дело с исследованием общения, если мы будем ограничиваться *психологической* его проблематикой. Книги и статьи на эту тему, как правило, либо не касаются собственно психологических вопросов, ограничиваясь самыми общими тезисами и не развивая их на конкретном материале⁴, либо игнорируют *общение* как таковое, подменяя исследование психологии общения анализом психологии отношений, процессов социального управления или социометрическим анализом малых групп. Характерным примером является состоявшийся в Ленинграде в конце 1970 года. Всесоюзный симпозиум по психологии общения. Насколько можно судить по опубликованным материалам⁵, именно психология общения и не была на нем представлена, если не считать трех-четырёх докладов общего характера (В.Н. Мясищев, Б.Д. Парыгин, В.Н. Куницына). Иными словами, почти не были поставлены психологические проблемы, связанные со спецификой самих процессов общения, с различным местом этих процессов в общей системе психологической деятельности человека, с психологическими факторами, определяющими их формальную и функциональную дифференциацию в различных условиях и т. д. Правда, второй аналогичный симпозиум, состоявшийся в 1973 году, носил уже принципиально иной характер.

По-видимому, целесообразно в этой связи с самого начала представить предмет психологии общения, как он понимается нами, с тем, чтобы полнее вскрыть значимость этой проблематики для общей психологии.

“Общение составляет как бы внутренний механизм жизни коллектива (или социальной группы)”⁶. Не *передача* информации, а *взаимодействие* с другими людьми как *внутренний механизм* жизни коллектива. Не *передача информации*, а именно обмен (выражение Маркса!) идеями, интересами и т. п. и формирование установок, усвоение общественно-исторического опыта⁷. Не изучение *использования* общения в деятельности социальной группы (это предмет отнюдь не психологии общения, а социологии!), а исследование самого общения в его становлении и динамике, его механизмов и средств как части *деятельности общения*. И наконец, что особенно важно, – анализ взаимоотношений общения *с другими видами деятельности человека*, прежде всего с практической и познавательной деятельностью, – все это и образует собственный предмет психологии общения.

Итак, психология общения – это раздел общей психологии, предметом которого является психологическая специфика процессов общения, рассматриваемых под углом зрения взаимоотношений личности и общества. Говоря здесь о психологической специфике, мы имеем в виду, что процессы общения в принципе могут быть рассмотрены не только под психологическим, но и под иными углами зрения – социологическим, лингвистическим и т. п. Ограничивая предмет психологии общения, мы можем выделить (вслед за Б.Ф. Ломовым) следующие основные проблемы, ее интересующие (хотя рискуем не исчерпать этим ее проблематику!): а) психологические функции общения; б) формирование и функционирование механизмов и средств общения в их зависимости от функций общения, от особенностей личности и от других психологических факторов; в) взаимоотношение общения с другими аспектами психической жизни человека и с особенностями личности⁸.

⁴ Parry J. The Psychology of Communication. N.Y., 1967.

⁵ Куницына В.Н., Алемаскин М.А. Всесоюзный симпозиум по психологии общения//Вопросы психологии. 1971. № 3; Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми//Тез. Всесоюзн. симпозиума. Л., 1970.

⁶ Ломов Б.Ф. Состояние и перспективы развития психологии в СССР в свете решений XXIV съезда КПСС//Вопросы психологии. 1971. № 5. С. 18.

⁷ Буева Л. П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968. С. 112; Ковалев А.Г. Взаимовлияние людей в процессе общения и формирования общественной психологии//Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 254. С. 8–9.

⁸ Ради исторической справедливости необходимо указать, что первым, кто сформулировал в советской психологии такую концепцию предмета психологии общения, является А.А.Брудный.

В последние десятилетия возник (или по крайней мере приобрел общественную значимость) целый ряд практических областей, остро нуждающихся в теоретической разработке именно так понимаемой психологии общения и прежде всего – общения речевого. Сюда относятся, например, оптимизация деятельности средств массовой информации и пропаганды: радио, телевидения и т. д. Эта область сейчас интенсивно развивается, и неразработанность общих проблем психологии общения начинает остро ощущаться в ней⁹. Другой важной областью, значение которой лишь сравнительно недавно стало оцениваться по достоинству, является реклама, прежде всего – экспортная реклама; можно сказать, что здесь психология общения получает не только идеологический, но и экономический “выход”. С общей тенденцией к совершенствованию и последовательному научному обоснованию процессов социального управления связан растущий интерес к психологии публичного выступления (“ораторской речи”). Это совершенно новая для нашей психологической науки область представлена в настоящее время лишь единичными работами, чаще всего не исследовательского, а рекомендательно-методического характера. Целый ряд прикладных задач возник в связи с необходимостью практического учета взаимоотношений общения и особенностей личности и активного управления этими взаимоотношениями со стороны общества; чтобы не перечислять все проблемы этого рода, ограничимся лишь одной из них – проблемой использования общения как важнейшего источника информации об особенностях личности и об эмоциональном состоянии говорящего, которая одновременно возникла в таких различных сферах, как судебная, военная и космическая психология. Можно указать также на рост интереса к проблематике общения в медицине, в частности в психиатрии; на проблемы этого рода, возникающие в методике и практике обучения русских иностранному языку и иностранцев – русскому (в последнем случае мы имеем даже специальную научную область в рамках методики обучения, не вполне точно называемую страноведением и в значительной мере охватывающую именно различные аспекты общения в условиях обучения языку)¹⁰. Одним словом, потребность в разработке теоретических проблем психологии общения ощущается достаточно остро.

“Язык есть важнейшее средство человеческого общения”¹¹. Уже поэтому в центре наших исследований общения должно, несомненно, стоять *речевое* общение. С другой стороны, именно проблемы, связанные с речью, приобрели сейчас особую практическую значимость, как это видно хотя бы из сказанного выше. И наконец, речевое общение бесспорно является не только наиболее сложной и наиболее совершенной формой общения, но и формой наиболее специализированной (см. ниже); это позволяет рассматривать речь (речевое общение) как такую форму общения, где общие психологические закономерности процессов общения выступают в наиболее характерном, наиболее обнаженном и наиболее доступном исследованию виде. Именно поэтому в качестве основного предмета анализа в настоящей работе выбрано именно речевое общение.

До самого последнего времени оно не было предметом специального исследования в психологии. Конечно, психология речи имеет за собой не менее чем столетнюю традицию. Однако речь рассматривалась психологами в предшествующие десятилетия крайне ограниченно и односторонне. Такое рассмотрение в подавляющем большинстве случаев сводилось к одной из двух трактовок. Либо речь рассматривалась как механическое внешнее проявление (актуализация) психических функций, процессов и свойств, лежащих, образно говоря, “за” речью; такое понимание ясно прослеживается, например, у В. Вундта, прямо писавшего: “язык... так же выражает внутреннюю жизнь, как пантомима, но выражает ее гораздо полнее

⁹ Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.

¹⁰ Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Страноведческий аспект преподавания русского языка иностранцам (к постановке вопроса)//Русский язык за рубежом. 1971. № 1; Язык и культура. М., 1973.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. сочинений. Т. 5. С. 259.

последней, и... сверх того менее ограничивается индивидуальной сферой, но тотчас переходит в совокупность индивидуумов, ее предполагая и на нее действуя”¹². Либо речь трактуется как самостоятельная психическая активность индивида, замкнутая в своей мотивационной, целевой и содержательной сфере. Такое понимание (не исключающее, впрочем, первого) может предполагать, конечно, очень различную интерпретацию самой природы этой психической активности – от определения языка у Э. Вейса как “формы поведения, благодаря которой индивидуум приспосабливается к социальной среде”¹³, определения, дальше которого в сущности так и не ушел американский бихевиоризм, несмотря на все попытки модернизировать свою позицию и привести ее в соответствие с современным уровнем конкретно-психологических и конкретно-лингвистических исследований речи, – до теории “речевого поступка” В.А. Артемова.

Первым принципиально важным шагом в направлении создания психологии речевого общения как части психологии общения и тем самым как относительно самостоятельной части общей психологии было появление в 50-х годах так называемой “психолингвистики”. Эта междисциплинарная область с самого начала поставила перед собой задачу раскрытия внутренней психологической организации речи. В число проблем, которыми она занимается, входят, в частности: система уровней психофизиологической организации речевой способности; оперативные единицы речеобразования и восприятия речи; номенклатура, взаимосвязь и взаимозависимость отдельных операций в процессах порождения и восприятия речи и многое другое¹⁴. В короткий срок (10–12 лет) психолингвистика не только сформировалась как довольно мощное направление в США, где она впервые возникла, но и распространилась практически по всему миру (сейчас серьезные исследования в этой области опубликованы в Канаде, Англии, Норвегии, Голландии, ФРГ, ГДР, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Италии, Франции, Индии, Японии, Австралии, Израиле). Несомненно, большую роль в этом распространении сыграли практические потребности; не случайно основная часть экспериментальных психолингвистических исследований в США, как явствует из публикаций, финансируется различными фондами и организациями отнюдь не благотворительного характера.

С начала 60-х годов психолингвистика распространилась и в СССР. Совершенно естественно, что здесь она развивалась в соответствии с отечественной психологической традицией; общеизвестно, что как раз в советской психологии исследование речи с самого начала привлекало пристальное внимание и интерес крупнейших ученых: Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе. Несмотря на все различия во взглядах этих трех замечательных советских психологов и психологических направлений, которым они положили начало (в частности, в их взглядах на речь), их объединяет общее для советской психологии *понимание речи как органического звена* в системе деятельности человека. Поэтому психолингвистика в СССР развивалась в основном как часть более общей психологической теории деятельности, а речь с самого начала понималась как “речевое действие”, подчиненное задачам, функциям и структуре обслуживаемой ею неречевой деятельности.

Однако рамки психолингвистики – даже если понимать ее расширительно, как это делается в советской психологической науке – не могут исчерпать теоретической проблематики

¹² Вундт В.В. Душа человека и животных. СПб., 1868. Т.1. С. 52. Ср. (через сто лет!) определение речи Ф. Кайнцем как “... психофизической деятельности, ставящей ряд телесных органов центрального и периферийного характера на службу целям облечения в звуковую форму духовно-мыслительных концептов” (Kainz F. Zum Aufbau der Sprache//Beitrage zur Einheit von Bildung und Sprache im geistigen Sein. Festschrift zum 80. Geburtstag von E. Otto. Berlin, 1957. S. 330).

¹³ Weiss A.P. Linguistics and Psychology//Language. 1925. Vol. 1, № 2. P. 52.

¹⁴ Сошлемся здесь на некоторые ранее опубликованные наши работы, из которых можно почерпнуть дальнейшую информацию о психолингвистике: Психолингвистика. Л., 1967; Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969; Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969. См. также: Теоретические проблемы психолингвистического моделирования речевой деятельности: Дис... д-ра филологических наук. М., 1968.

речевого общения. Психоллингвистика *принципиально* ориентирована на исследование того звена речевого общения, тех факторов этого общения, которые носят индивидуальный и в то же время универсальный характер. Иначе говоря, она интересуется структурной организацией и закономерностями функционирования функциональных систем, обеспечивающих осуществление речи и речевого восприятия (или, как принято говорить в советской психоллингвистике, структурой языковой способности человека). Однако в ее теоретической системе не находится места ни для учета социальных функций общения, его природы и места в общей системе деятельности общества (и индивида как члена этого общества): в этом смысле она слишком индивидуальна; ни для учета личностных особенностей – в этом смысле она слишком универсальна. Это сознают и многие представители самой психоллингвистики. Существенно, однако, указать, что концептуальная система психоллингвистики является открытой в одних ее направлениях, что создает возможность расширять и углублять ее проблематику, не производя коренной “ломки” уже сделанного (так обстоит дело, в частности, в советской психоллингвистике); в то же время в других ее направлениях эта концептуальная система закрыта, она в принципе не допускает коренного пересмотра. Так происходит, в частности, в “трансформационалистском” направлении в психоллингвистике США, возглавляемом Н. Хомским и Дж. Миллером.

Так или иначе, перед нами встает задача развить то, чем располагает ныне советская психоллингвистика, в сторону учета социальных, с одной стороны, и личностных, с другой стороны, факторов речевого общения. Естественно, что сделать это можно по-разному, – сама социальность, как известно, может пониматься весьма различно. И здесь особенно важным представляется не ограничивать понимание социальности языковых явлений, прочно утвердившееся в науке о языке еще со времен Ф. де Соссюра (т. е. Э. Дюркгейма, взгляды которого де Соссюр излагал в этой части своего “Курса общей лингвистики”) и определяющее ныне большинство направлений в так называемой “социоллингвистике” – именно, пониманием, сводящим социальное начало в речевой деятельности к разного рода *социальным взаимоотношениям* говорящих индивидов, каждый из которых берется как *внесоциальная* реальность. Подобное понимание подверг правильной и обоснованной критике известный лингвист Р.А. Будагов¹⁵. Конечно, не это главное: следуя известной мысли Маркса, мы должны искать социальное начало прежде всего не *вне*, а *внутри* личности говорящего человека, понимать самую *психологию* общения как социальную – не по названию, а по существу. Такой подход традиционен для советской психологии и вообще свойственен марксистской психологической науке.

Важнейшая задача психологии общения в нашей стране – последовательно интерпретировать общение, и прежде всего речевое общение, под углом зрения психологической теории, уделив особое внимание тому аспекту, который в большинстве зарубежных направлений исследования речи игнорируется – *взаимоотношениям личности и общества через посредство речи*.

Думается, что уже само понятие общения нуждается если не в пересмотре, то по крайней мере в основательном анализе. Не секрет, что подавляющая часть имеющихся в научной литературе определений общения или коммуникации сводится исключительно к идее передачи чего-то от кого-то кому-то, к идее обмена (языковыми высказываниями, знаниями, информацией и т. д.). Иными словами, общение трактуется почти исключительно как *интериндивидуальный* процесс. Автор популярной за рубежом (и уже цитированной нами выше в другой связи) книги по психологии общения Джон Парри прямо считает, что “осуществлять коммуникацию значит передавать сообщение”¹⁶. “Социальная психология” Т. Ньюкома и его соавторов, говоря об “отношении, в котором находится информация, которой располагают лица,

¹⁵ Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971. С. 63. Ср.: Watzlawick P., Beavin J., Jackson D. Pragmatics of Human Communication. N.Y., 1967, где авторы особо подчеркивают неправильность рассмотрения общающихся индивидов как “искусственно изолированных монад”.

¹⁶ Parry J. The Psychology of Human Communication. N.Y., 1967. P. 9.

участвующие во взаимодействии”, определяет коммуникацию как “процесс, в ходе которого это отношение изменяется”¹⁷, т. е. происходит передача информации от одного лица к другому. И так далее. В статье ленинградского социального психолога В.Н. Панферова, содержащей множество интересных соображений и ряд принципиально новых для нашей психологии теоретических положений, общение, к сожалению, определяется почти подобным же образом: “Общение есть взаимодействие людей, содержанием которого является взаимное познание и обмен информацией с помощью различных средств коммуникаций в целях установления взаимоотношений, *благоприятных* для процесса совместной деятельности”¹⁸ (курсив наш. – А.Л.).

Совершенно не случайно, что автор в двух местах своей статьи определяет общение как своего рода “социальную экологию”: действительно, для него общение есть в первую очередь процесс взаимного приспособления субъекта общения и деятельности и социальной среды, в которой он действует и общается.

В большинстве подобных случаев мы имеем дело с пониманием коммуникации скорее как *сообщения* (Mitteilung), чем как собственно *общения* (Verkehr)¹⁹. Возможно, однако, и более глубокое понимание коммуникации именно как общения *sensu stricto*. Такой подход предполагает прежде всего ясное осознание того факта, что коммуникация (общение) есть не столько процесс *внешнего взаимодействия изолированных личностей*, сколько способ *внутренней организации и внутренней эволюции общества как целого*, процесс, при помощи которого только и может осуществляться развитие общества – ибо это развитие предполагает постоянное динамическое взаимодействие общества и личности. Общество воспроизводит себя в человеке и производит человека, чтобы творить человеческий мир, порождать “овеществленную силу знания” (Маркс), обогащать социально-исторический опыт и, опираясь на него, делать очередной шаг вперед – точно так же, как человек воспроизводит и производит общество в своей продуктивной деятельности и в своем общении; оба они – общество и личность – только в этом двустороннем процессе и способны развиваться.

Преимущество такого подхода с особенной ясностью выступает при анализе проблем глоттогенеза (возникновения и первоначального развития речи). Именно здесь особенно важен социальный подход²⁰. Между тем господствующие воззрения трактуют развитие языка и форм общения на ранних этапах антропогенеза прежде всего как эволюцию способности индивида к общению и развитие умения отдельных членов первобытного человеческого коллектива “перекинуть мостик” от одной личности к другой. Как субъект глоттогенеза (антропогенеза вообще) в этом случае выступает не общество, а индивид как носитель определенных психологических, физиологических, анатомических характеристик; общество же оказывается продуктом взаимодействия индивидов и только. С внечеловеческой, природной действительностью для рассуждающих так ученых взаимодействует именно индивид как биологическое существо, а не общество.

Такое, – к сожалению, очень распространенное, – представление отразилось даже в русском переводе “Роли труда” Ф. Энгельса, в том его месте, где говорится, что у формирующихся людей возникла потребность что-то сказать друг другу. Ведь когда мы употребляем термин “потребность”, то имеем в виду прежде всего естественную потребность типа голода или жажды, имеющую биологический характер и совершенно не обязательно детерминированную социально. У Энгельса сказано иначе, чем в русском переводе, и его мысль глубже. Она выражена так: “...die werdenden Menschen kamen dahin, *dab* sie einander *etwas zu sagen hatten*”²¹

¹⁷ Цит. по польскому переводу: Newcomb Th. M., Turner P.H., Converse Ph.E. Psychologia społeczna. Warszawa, 1970. S. 173. Конечно, сказанное не относится ко всем зарубежным работам.

¹⁸ Панферов В.Н. Психология общения//Вопросы философии. 1971. № 7. С. 126.

¹⁹ Эта мысль заимствована нами у Б.Ф. Поршнева.

²⁰ Леонтьев А.А. Проблемы глоттогенеза в современной науке//Энгельс и языкознание. М., 1972.

²¹ Engels F. Anteil der Arbeit an der Menschwerdung des Affen. Berlin, 1957. S. 8.

(курсив наш. – А.Л.). Это буквально означает: они “...пришли к тому, что у них появилось что сказать друг другу”. Иными словами, Энгельс имеет в виду *содержание* общения, а не сам факт общения: общение оказывается детерминированным социально со стороны своего содержания. Слово же “потребность” (*das Bedürfnis*) появляется у него лишь в следующей фразе, где нужно было противопоставить “потребность” – “органу”. Кстати, из всего контекста статьи видно, что это – метафора: потребность сама по себе не может создать органа – его создает деятельность (как это произошло с рукой)²². Так или иначе, но нельзя ставить проблему глоттогенеза, не рассматривая функций коммуникации в первобытном обществе.

Эта мысль четко выражена Марксом и Энгельсом в “Немецкой идеологии”, где указывается, что, с одной стороны, “ограниченное отношение людей к природе обуславливает их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное отношение друг к другу – их ограниченное отношение к природе”; с другой же стороны, “подобно сознанию, язык возникает лишь... из настоятельной необходимости общения с другими людьми. Сознание, следовательно, уже с самого начала есть общественный продукт”²³. Таким образом, налицо единство трех сторон: специфики деятельности (отношение к природе), специфики общения (отношение друг к другу) и специфики сознания. Конечно, доминирует здесь развитие системы отношений к природе, взаимодействия человека с внечеловеческой действительностью, прежде всего в форме трудовой деятельности. Развитие труда ведет за собой развитие взаимоотношений в трудовом коллективе, а оба этих процесса непосредственно обуславливают появление новой формы психического отражения действительности формирующимся человеком – сознания и языка как общественно отработанной системы, конституирующей человеческое сознание.

Само собою разумеется, однако, что, раз возникнув, оба этих феномена – принципиально новые отношения между трудящимися индивидами, давшие начало *обществу*, и принципиально новая форма психического отражения действительности, которую мы привыкли называть *сознанием*, – оказывали революционизирующее влияние и на взаимодействие человека с природой, с внечеловеческой действительностью. Поэтому-то особенно важно фиксировать триединый характер описываемого процесса, подчеркнув, что развитие языковой способности человека – глоттогенез – связан с развитием форм и способов общения. Эту сторону вопроса удачно охарактеризовал А.Г. Спиркин, сказав, что “язык опосредствует связь индивида с природой через связь с коллективом”²⁴. Вспомним в этой связи, что “люди, вступая в общение, вступают в него как сознательные существа”²⁵.

Так или иначе, но не подлежит никакому сомнению, что изучать общение, в том числе (и особенно!) процессы формирования общения можно, только имея определенное представление о социальной структуре и социальной психологии общества, в частности – первобытного трудового коллектива. Общение, коммуникация есть не только и не столько взаимодействие людей в обществе, сколько – прежде всего! – взаимодействие людей *как членов* общества. Применительно к первобытному коллективу можно сформулировать это так: речь – это не столько общение *во время* труда, сколько общение *для* труда. Права Л.П. Бueva, когда указывает, что главный “методологический просчет... заключается в том, что процесс общения рассматривается вне всякой связи с характером общественных отношений, в отрыве от качественного социального содержания форм общения”²⁶.

²² Для того, как понимал Энгельс антропогенез, важна и еще одна особенность текста, потерянная в переводе: *die werdenden Menschen* – это не столько “формирующиеся”, сколько “становящиеся” в философском смысле люди. А значит, для Энгельса они – на рассматриваемой им ступени – *еще не люди*.

²³ Новая публикация первой главы “Немецкой идеологии” К. Маркса и Ф. Энгельса // Вопросы философии. 1965. № 10. С. 93.

²⁴ Спиркин А.Г. Происхождение сознания. М., 1960. С. 189.

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. сочинений. Т. 18. С. 343.

²⁶ Бueva Л.П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968. С. 113–114.

В связи со сказанным представляется принципиально важным указать на одно место в “Философских тетрадах” В.И. Ленина, до сих пор не привлекавшее к себе внимания психологов, опять-таки благодаря неточности перевода. Делая выписки из “Лекций по философии истории” Гегеля (естественно, на языке оригинала), В.И. Ленин выписал в свою тетрадь формулировку Гегеля, звучащую в переводе следующим образом: “*Речи... суть действия, происходящие между людьми*”²⁷ (курсив наш. – А.Л.). Уже здесь обращает на себя внимание трактовка речевого общения как системы речевых *действий*, речевых *поступков* (Handlungen). Однако если мы обратимся к оригиналу Гегеля, то поймем, почему эта мысль привлекла внимание В.И. Ленина: “Reden sind Handlungen *unter Menschen*”²⁸ (курсив наш. – А.Л.). Смысл этой фразы иной, чем в переводе. “Речи” здесь не действия *между* людьми, это не межличностное общение; это действия, происходящие “среди” людей, *в среде людей*, в коллективе людей.

Охарактеризованный выше подход к общению положен в основу психологической концепции, изложенной в дальнейшем тексте работы и в особенности во второй ее главе.

Анализ вопросов психологии речевого общения требует обращения к ряду теоретических проблем, не носящих узко психологического характера, но органически входящих в психологическую проблематику, анализируемую нами в настоящей работе. Многие из этих проблем пока не получили в советской науке общепринятого освещения и удовлетворительного разрешения. В их числе: знак и деятельность; знак и общение; взаимосвязь врожденного и приобретенного в формировании общения; иерархия форм общения; общение как процесс и специализированная деятельность общения и т. п. Мы вынуждены были обратиться к более или менее детальному анализу и этих проблем.

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. сочинений. Т. 29. С. 281. Ср.: Гегель Г.В.Ф. Собр. сочинений. Т. VIII. С. 4.

²⁸ Hegel G.W.F. Werke. B., 1840. Bd. IX. S. 55.

§ 2. Общение и деятельность общения

В современной науке об общении существует столь огромное количество несовпадающих определений общения (коммуникации), что вопрос о дефиниции этого понятия становится, можно сказать, самостоятельной научной проблемой. Известный американский теоретик общения Фрэнк Дэнс попытался систематизировать такие определения²⁹: в результате были выявлены три основных “переменных”, три признака, по которым наблюдается основное *понятийное* расхождение между разными авторами: это 1) уровень анализа, 2) наличие или отсутствие интенции со стороны коммуникатора, 3) наличие нормативной оценки акта общения (“хорошее – плохое” или “успешное – неуспешное” общение)³⁰.

Если попытаться определить нашу позицию в вопросе об общении в этих координатах, мы прежде всего должны подчеркнуть, что *общение является для нас одним из видов деятельности*³¹. Это не означает, что общение во всех случаях выступает как самостоятельная деятельность (см. ниже); важно, что оно может быть таковой, хотя может выступать и как компонент, составная часть (и одновременно условие) другой, некоммуникативной деятельности. И если понимать общение как деятельность, то очевидно, что для нас аксиомой являются, во-первых, его интенциональность (наличие специфической *цели*, самостоятельной или подчиненной другим целям; наличие специфического *мотива*); во-вторых, его результативность – мера совпадения достигнутого результата с намеченной целью; в-третьих, нормативность, выражающаяся прежде всего в факте обязательного *социального контроля* за протеканием и результатами акта общения, – вопрос, частично затронутый нами в тексте работы, но не получивший в ней детального рассмотрения.

Что касается уровня анализа в трактовке общения, то, чтобы определить позицию психологии общения в этом вопросе, нам придется сразу ввести ряд категорий, в системе которых общение должно найти надлежащее место. Эти категории суть: 1) деятельность, 2) взаимодействие (интеракция), 3) общение, 4) взаимоотношение, 5) общественное отношение.

Когда мы говорим о деятельности как социальном феномене, о социальной деятельности, то при этом нас интересует и существенна для нас прежде всего ее направленность на объект (продукт, результат), ее объективное содержание. Например, когда идет речь о коллективной трудовой деятельности (далее мы будем рассматривать именно этот случай), нас интересует процесс труда, объект (результат) трудовой деятельности, наконец, субъект или субъекты труда как носители соответствующих способностей, навыков, умений, как личности, в сознании которых тем или иным образом отражены (и определяют их деятельность, причем не только непосредственно трудовую!) производственные и надстраивающиеся над ними иные общественные отношения, характерные для данного социально-экономического уклада, для данного этапа развития общества. Производственный коллектив занимает нас здесь именно как *производственный*, разделение труда – как разделение *труда* и т. д.

Можно, однако, подойти к коллективной производственной деятельности и под несколько иным углом зрения, рассматривая, какая организация трудового коллектива обеспечивает результативность совместного труда (в частности, эффективное распределение трудовых обязанностей). При этом мы столкнемся с тем фактом, что существуют определенные

²⁹ Ему удалось насчитать 96, причем он, по-видимому, учитывал лишь работы на английском языке и лишь вышедшие до 1969 г. См.: *Dance F.E.X. The “Concept” of Communication//Journal of Communication. 1970. Vol. 20, № 2.*

³⁰ Там же. С. 208.

³¹ Воспользуемся случаем, чтобы обратить внимание читателя на одну терминологическую тонкость: мы всюду говорим об общении, а не о коммуникации, чтобы не вносить в свое изложение все те нежелательные коннотации, которые связаны в современной науке с этим последним термином (теория коммуникации = теория связи = теория передачи информации по каналу связи).

типы такой организации, которые эффективны независимо от конкретного содержания деятельности. Этот факт и является основой для выделения самостоятельной категории взаимодействия. Производственный коллектив поворачивается здесь к нам, так сказать, своей “коллективной” стороной.

Но можно идти в том же направлении и дальше, занимаясь не тем в организации совместной деятельности, что обеспечивает ее потенциальную эффективность, а тем, *какими способами достигается* эта оптимальная организация, какие процессы, происходящие в производственном коллективе, приводят к формированию такой организации, обеспечивают ее поддержание и являются каналом, через который не непосредственно производственные факторы влияют на ее изменение. Это и будет подход с точки зрения *общения*.

Таким образом, взаимодействие (интеракция) опосредованно общением. Благодаря общению люди могут вступать во взаимодействие. Иначе, взаимодействие, интеракция – это коллективная деятельность, которая рассматривается нами не со стороны содержания или продукта, а в плане социальной ее организации. Что касается общения, то это один из факторов интеракции или, если быть более точным, – совокупность таких факторов (ср. психический и социальный контакт у Я. Щепаньского³², телесный и информационный контакт у М. Аргайла³³ и т. д.). Эти факторы “становятся коммуникативными, когда они используются в ситуациях взаимодействия”³⁴.

Но для правильной квалификации общения совершенно необходимо четко представлять себе и действительное соотношение понятий отношения, общения и деятельности. Мы постараемся показать в дальнейшем, что общение может быть трактовано как реализация или актуализация общественного отношения (причем в двух аспектах: как процесс такой актуализации и как ее условие или способ). Что касается деятельности, то она является тем, в чем актуализуется общественное отношение, психологическим содержанием процесса общения; в этом и только в этом смысле можно разграничивать общение и взаимодействие (интеракцию): еще раз подчеркнем, что это последнее есть деятельность, рассматриваемая как взаимодействие, т. е. деятельность, рассматриваемая в аспекте “внешних” социальных форм ее осуществления³⁵. С другой стороны, следует, на наш взгляд, разграничивать понятие *общественного отношения* и его “личностный”, психологический коррелят, возникающий в реальном процессе общения как производное от его психологической организации, а именно *взаимоотношение*³⁶. Поэтому нам представляется в основном верной, хотя и не вполне точной формула В.Н. Мясищева, согласно которой “взаимоотношение” является внутренней личностной основой взаимодействия, а последнее – реализацией или следствием и выражением первого”³⁷.

Выше, в предыдущем параграфе, мы уже очертили наше понимание предмета психологии общения, тот круг проблем, который относится к компетенции психологической науки. Очевидно, что общение может в принципе рассматриваться и в других аспектах, и прежде всего – в плане социологическом и в плане общепсихологическом.

³² Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.

³³ Argyle M. The Psychology of Interpersonal Behaviour. L., 1967.

³⁴ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 126.

³⁵ И, далее, именно через посредство общения деятельность влияет на общественные отношения людей, можно сказать, через ступень взаимоотношений. Ср. положение из “Немецкой идеологии” о “личном поведении индивида”, которое “одно- временно существует как независимая от него **созданная общением сила**, превращаясь в общественные отношения” (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. сочинений. Т. 3. С. 234.) – Выделено нами. – А.Л.

³⁶ Тарасов Е.Ф. Социальное взаимодействие в речевом общении//Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. С.10; Бгажников Б.Х. Психолингвистические проблемы речевого общения (личностно и социально ориентированное речевое общение): Дис... канд. психол. наук. М., 1973. С. 9—10.

³⁷ Мясищев В.Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека//Психологическая наука в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 115.

Социологический аспект понятия общения предполагает изучение внутренней динамики структуры общества и ее взаимосвязи с процессами общения. В конечном счете любое общение, будь оно социально или личностно ориентированным (см. об этом ниже) – разумеется, если в этом общении актуализируются общественно значимые отношения между людьми, – отражается на социологическом уровне: в этом, с нашей точки зрения, оправдание самого факта существования различных форм человеческого общения. Здесь можно провести известную параллель с функциями общения в животных сообществах, но если в мире животных общение отдельных особей и отдельных сообществ друг с другом имеет односторонне направленный характер и подчинено задачам сохранения и самовоспроизведения вида, то у человека – в силу качественной специфики человеческого общества и связанного с ним способа взаимоотношения с действительностью – общение двусторонне направлено: оно, так сказать, “работает на общество” не только непосредственно, но и – как правило – через то или иное изменение в сознании и в деятельности членов этого общества. Кроме того, человеческая деятельность как деятельность, опосредованная миром орудий и миром “психологических орудий” (Выготский), активна и полифункциональна, и функции общения отнюдь не сводятся в ней к обеспечению чисто биологического выживания человеческого коллектива; следуя многообразию форм деятельности, общение участвует в различных формах активного воздействия человека на природу и тем выступает как целый пучок разнонаправленных факторов социальной жизни человечества.

Мы ни в коей мере не утверждаем, что любой акт общения имеет непосредственный социологический “выход”, прямой смысл для общества, или тем более ведет к изменениям в его социальной структуре. Дело обстоит, конечно, гораздо сложнее. Во-первых, социологически едва ли не более важным, чем изменение в социальной структуре, является поддержание существования и функционирования этой социальной структуры в целом и отдельных составляющих ее социальных групп; это поддержание осуществляется не только за счет стабильности системы коммуникации в данной общности (стабильности общения), как часто представляется социальным психологам, но и за счет стабильности системы личностных по форме существования, общественных по природе отношений или взаимоотношений, реализуемых в общении. Во-вторых, не всякий акт поведения, являющийся по внешности актом общения, является таковым с функциональной точки зрения. (Разумеется, мы не считаем афункциональными акты общения, направленные на установление контакта, т. е. имеющие фатическую функцию, или направленные на уточнение или осознание средств или форм общения.) Более того: подходя к общению с социологической точки зрения, мы, видимо, вправе “выстроить” разные виды общения, выделяемые по другим критериям, в последовательный иерархический ряд в зависимости от меры социологической значимости данного вида, выделив на одном полюсе социологически наиболее нагруженные, а на другом – социологически “пустые” виды общения. В этом смысле мы можем говорить о *типовом общении*, в котором социологическая его ориентация выступила бы наиболее обнаженно; таким типовым общением, бесспорно, является непосредственное межличностное общение в процессах коллективной трудовой деятельности.

Итак, с социологической точки зрения общение может быть понято как способ осуществления внутренней эволюции или поддержания *status quo* социальной структуры общества, социальной группы или отдельной общности – в той мере, в какой эта эволюция вообще предполагает диалектическое взаимодействие личности и общества, невозможное без общения³⁸.

³⁸ Существенно заметить, что это понимают и многие западные философы и социологи, иногда очень далекие от марксизма. Сошлемся хотя бы на одного из вождей “общей семантики” С. Хайкаву (ср.: Hayakawa S.I. Language in Thought and Action. 2. ed. N.Y., 1964. P.14). Ср. идею “координации человеческой активности” как функции межличностного общения в работе: Cushman D.P. The Development of Interpersonal Communication Theory. Mimeo, 1972.

Здесь возникает, однако, вопрос: можно ли говорить об общении как предмете социологии? Иными словами, существует ли социология общения как самостоятельная научная область? Думается, что ее существование следует поставить под сомнение. Возможны два различных подхода к исследованию общения. Мы можем рассматривать процессы общения в их конкретно-исторической специфике, определяемой характером взаимодействия и, в конечном счете, содержанием и особенностями социальной действительности. Тогда для нас важно не то общее, что есть в разных видах общения, а то специфическое в нем, что коренится во взаимодействии. Здесь, конечно, мы никак не обойдемся без социологии; но то в общении, что могло бы явиться предметом социологического рассмотрения, детерминировано взаимодействием. Мы можем, с другой стороны, брать общение именно как нечто специфическое, как то, что обладает относительной независимостью от взаимодействия, образует собственную систему, детерминируется специфическими факторами. И в этом случае едва ли найдется место для социологии общения как самостоятельной области: она “прибавляется” к общению, а не интерпретирует его. Но зато особой отраслью социологии, и при этом отраслью очень важной, является *социология взаимодействия*.

Можно подойти к анализу различных форм общения и с другой стороны, давая ему собственно философскую интерпретацию. Этот аспект понятия общения связан прежде всего с диалектикой развития *общественных отношений* и способов актуализации этих отношений. Чтобы раскрыть это понимание, нам придется обратиться к понятию общения (*Verkehr*) в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, начав с “Немецкой идеологии”³⁹.

Каждое поколение и каждый индивид застает “как нечто данное” определенную “сумму производительных сил, капиталов и социальных форм общения”⁴⁰. Несколькими строками выше та же мысль выражена иначе – говорится о том, что каждая ступень истории “застает в наличии” сумму производительных сил и “исторически создавшееся отношение людей к природе и друг другу” (там же). В какой мере можно отождествлять это отношение и социальные формы общения? Почему о них говорится как о синонимах, по крайней мере частичных?

В этом же месте говорится – опять-таки “через запятую”, как синоним – о передаваемой предшествующим поколением последующему “массе обстоятельств”. Ниже о них идет речь как об “условиях, при которых происходит общение индивидов”: это – “условия, при которых эти определенные, существующие в определенных отношениях индивиды только и могут производить свою материальную жизнь и то, что с ней связано” (3, 72). Но эти условия создаются самими индивидами; пометка Маркса на полях: “производство самой формы общения” (там же).

Итак, при определенных условиях, создаваемых людьми в процессе материального производства и находимых каждым новым поколением и новым индивидом как что-то фиксированное, объективное, – при этих условиях индивиды, находящиеся (“существующие”) в определенных отношениях, вступают в общение. Из этого места “Немецкой идеологии” можно сделать вывод, что для Маркса и Энгельса отношения индивидов и процесс их общения находятся в отношениях виртуального и актуального: общение – это процесс актуализации обще-

³⁹ Комментатор новой публикации первой главы “Немецкой идеологии” Г.А. Багатурия указывает, что производные от термина “общение” отражают “формировавшееся в это время у Маркса и Энгельса понятие производственных отношений” (Вопросы философии. 1965. № 10. С. 106). Это утверждение не следует понимать в том смысле, что понятие общения позже было заменено каким-то другим понятием. Во всяком случае, в “Экономических рукописях 1857–1859 гг.”, как мы увидим ниже, это понятие употребляется очень широко. См. об этом также: Соколов В.М. О природе человеческого общения. Фрунзе, 1973; Щелкин А.Г. К. Маркс о диалектике социального общения// Вопросы философии и социологии. Вып. IV. Л., 1972.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. сочинений. 2. изд. Т. 3. С. 37. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках (3, 37).

ственного отношения, превращение его из виртуальной в реальную форму, в форму “действительного отношения”, осуществляемое при определенных “обстоятельствах” или “условиях”⁴¹.

И далее: “Эти различные условия образуют на протяжении всего исторического развития связный ряд форм общения, связь которых заключается в том, что на место прежней, ставшей оковами, формы общения становится новая, соответствующая более развитым производственным силам, а значит и более прогрессивному виду самостоятельности индивидов, – форма общения, которая, а son tour, превращается в оковы и заменяется другой формой” (3, 72).

Г.А. Багатурия бесспорно прав, когда он соотносит понятие формы общения с понятием производственных отношений. Но понятие производственных отношений более узко, чем понятие общения и формы общения. Общение есть актуализация отношений: форма общения есть *способ актуализации отношений*, носящий общественный характер и исторически развивающийся; отсюда возможность синонимизации “отношения людей к природе и друг к другу” и “социальных форм общения” в *определённом контексте*. Но сами эти отношения необязательно являются производственными. Поэтому переход к новой формулировке есть не просто терминологическое переименование, а уточнение самой мысли Маркса и Энгельса, сужение понятия “формы общения” до понятия “производственных отношений” и одновременно – четкое противопоставление двух аспектов – виртуального и актуального.

В этой связи возникает естественный вопрос: а действительно ли понятие “общение” в “Немецкой идеологии” так широко и расплывчато, как понятие “формы общения” применительно к динамике развития этих форм? Иными словами: пользуются ли Маркс и Энгельс одним глобальным термином “общение”, не дифференцируя этого понятия?

Анализ текста “Немецкой идеологии” показывает, что в нем противопоставляются друг другу, во-первых, “внутреннее” и “внешнее” общение (3, 20). Это – общение внутри данного коллектива (конкретно – нации) и между различными коллективами, в частности, нациями, т. е. то, что мы называем внутригрупповым и межгрупповым общением.

Во-вторых, противопоставлены друг другу “материальное” и “духовное” общение. Это противопоставление содержится в широко известном месте: “Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в *материальное общение* людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, *духовное общение* людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей” (3, 24). Таким образом, Маркс и Энгельс очень ясно говорят здесь о том, что возможно “материальное общение”, пользующееся как средством “языком реальной жизни”, а не специально выработанными средствами общения⁴².

В-третьих, вводится понятие “универсального” и “мирового” общения (3, 33–34). Оно, однако, развивается гораздо ниже, где универсальное общение противопоставлено “ограниченному”. Что стоит за этими терминами? “Всякое общение до сих пор было только общением индивидов при определенных условиях, а не индивидов как “индивидов” (3, 66). Этих условий два: частная собственность и труд. В чем важность этого тезиса? В том, что за ним стоит идея *социальной природы* общения. Ведь производительные силы “становятся действительными силами лишь в общении и во взаимной связи этих индивидов” (3, 67). Люди вынуждены общаться, чтобы производить, а производить они вынуждены, чтобы “обеспечить свое суще-

⁴¹ Насколько нам известно, эта мысль впервые в советской философской литературе была подчеркнута В.М. Соколовым (Соколов В.М. Общение и его средства//Сознание и общение. Фрунзе, 1968. С.10). Позже она высказывалась и психологами, в частности В.Н. Мясичевым и В.А. Артемовым. См. также указ. выше работу А.Г. Щелкина.

⁴² Эта мысль Маркса и Энгельса о развитии специфических средств общения из неспецифических, о том, что средства общения генетически восходят к средствам и орудиям материальной деятельности людей, находит дополнительное обоснование в практике активного формирования сознания и деятельности слепоглухонемых детей врачами-тифлосурдопедагогами. Общение со слепоглухонемыми начинается именно с материального общения, с языка реальной жизни, и лишь далее обретает специфические коммуникативные средства, свой собственный язык. См.: Мецераков А.И. Слепоглухонемые дети: Автореф. дис... д-ра. психол. наук. М., 1971.

ствование” (там же). Ограниченное общение сковывает “самостоятельность” индивидов; отсюда необходимость универсального общения, “превращение прежнего вынужденного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как таковые” (3, 69). Но откуда такое положение не достигнуто, общение есть способ “уравновешивания” в процессе производства того факта, что “индивиды совершенно подчинены разделению труда и поэтому поставлены в полнейшую зависимость друг от друга” (3, 66). Это – путь к временному объединению разделенных индивидов в процессе производства. Таким образом, субъектом общения в строгом смысле является не изолированный индивид, а социум, общество, общественный коллектив или общность. Да и само общение подчинено отнюдь не абстрактной потребности общения; оно социально детерминировано со стороны содержания общения.

Наконец, различаются “прямое” и “косвенное” общение (3, 440).

Значительно ниже, в главе “Лейпцигский собор”, Маркс и Энгельс обращаются к рассмотрению еще одной стороны проблемы общения, имеющей для нас исключительную важность – а именно, к соотношению личности и общества. Здесь отмечается, во-первых, что “личное поведение индивида неизбежно претерпевает овеществление, отчуждение, и одновременно существует как независимая от него, созданная общением сила, превращаясь в общественные отношения” (3, 324). Здесь взаимоотношение всех трех категорий ясно видно: общение превращает “личное поведение” в общественный факт; а общественное отношение есть то, что через посредство общения превращается в один из аспектов личности, одну из “сторон личного развития индивидов”, как говорится страницей ниже по несколько иному поводу.

Крайне важен тезис Маркса и Энгельса, что “материальная жизнь индивидов..., их способ производства и форма общения взаимно обуславливают друг друга” (3, 322). Эта мысль развивается ими дальше следующим образом: “Индивиды... вступали в общение между собой... как индивиды, находящиеся на определенной ступени развития своих производительных сил и потребностей, и так как это общение, в свою очередь, определяет производство и потребность, то именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создают и повседневно воссоздают существующие отношения. Они вступают в общение друг с другом в качестве того, чем они были...” (3, 439–440). Здесь опять-таки общение рассматривается двояко: как процесс и как условие (способ) актуализации отношений.

Таким образом, главным выводом из рассмотрения “Немецкой идеологии” в плане развиваемой ее авторами теории общения являются три основных тезиса:

а) иерархия форм общения; возможность выделения разновидностей общения по различным критериям, историческое развитие форм общения, например от материального к духовному;

б) понимание общения как процесса превращения общественного отношения из виртуальной в реальную, “действительную” форму, осуществляемого при определенных обстоятельствах;

в) в этой связи двоякая трактовка общения: как процесса (процесса актуализации) и как условия (способа актуализации).

Если придерживаться изложенной здесь концепции, то любая общественная деятельность человека является в известном смысле общением. Эта идея “тождества общения и активности”⁴³ есть одно из важнейших положений марксизма. Ведь “общественных отношений нет вне деятельности. Они реализуются в самой деятельности и развиваются только в процессе общественно-исторической практики”⁴⁴. Поэтому понятие общения должно быть для наших

⁴³ Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип//Проблема человека в современной философии. М., 1969. С. 95. Впрочем, здесь правильнее было бы говорить о “единстве”, а не о “тождестве”.

⁴⁴ Лармин О.В. О структуре общественных отношений// Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970.

целей сужено. И прежде всего, по-видимому, целесообразно разделить понятие материального общения и духовного общения. В первом случае мы имеем дело с реализацией отношений – в том числе, по-видимому, и идеологических отношений – в процессе трудовой, продуктивной деятельности. Здесь “духовное общение” людей, – если оно присутствует, – является “еще непосредственным порождением их материальных действий”⁴⁵. Во втором случае мы сталкиваемся с иными, не непосредственно производственными формами реализации отношений; но эта реализация не обязательно предполагает адекватную этим отношениям деятельность. Скажем, первобытная магия может отражать – и, судя по этнографическим данным, действительно отражает – не только религиозные отношения, но гораздо более сложный комплекс общественных отношений; в частности нравственные, эстетические и т. д. Поэтому совершенно неправомерно при анализе первобытных форм общественной деятельности человека (или, если угодно, общественных форм деятельности первобытного человека) отождествлять генезис форм деятельности с генезисом тех или иных отношений, реализуемых в этой деятельности, в этих формах общения, как это нередко делается.

Дальнейшим этапом развития общения будет появление способов общения, адекватных тому или иному виду отношений. Здесь необходимо иметь в виду, однако, два момента. Во-первых, не следует искать специализированного способа общения для *любого* вида отношений. Так, речевое общение (о нем далее) адекватно большинству разновидностей идеологических отношений и полностью – духовным отношениям. Во-вторых, необходимо разграничивать факт существования *психологически* специализированной деятельности общения (и различных ее разновидностей), с одной стороны, и факт существования *семиотически* специализированных систем средств общения, опосредующих деятельность общения (см. об этом ниже). Психологическая специализация не обязательно предполагает семиотическую: так, Я. Яноушек указывает, что общение (в его развитых формах) может быть опосредованно тремя способами: языком или другими языковыми системами, “элементами социальной структуры – ролями, нормами и др., отношением цели и средств”⁴⁶.

Чтобы более основательно разобраться в различных видах опосредования деятельности общения, целесообразно продолжить анализ работ К. Маркса и Ф. Энгельса и прежде всего остановиться на так называемых “Экономических рукописях” Маркса, относящихся к 1857–1859 годам и лишь сравнительно недавно ставших в полном виде достоянием широкого читателя (в томе 46, части 1 и 2, второго издания собрания сочинений Маркса и Энгельса).

Первое существенное положение, с которым мы сталкиваемся в этом произведении Маркса, – это идея “обмена деятельности и способностей”, “совершающегося в самом производстве”, который “составляет его существенную сторону” (46, I, 35). Здесь мы находим прямое указание на характер той роли, которую может играть общение в производстве. Что такое описываемый Марксом “обмен”? Это участие индивидуальной деятельности и соответствующей ей индивидуальной способности в коллективном трудовом процессе. Но такое участие заведомо предполагает такое целеполагание в индивидуальной деятельности, которое определяется отношением общей цели коллективного производства, с одной стороны, и тех средств, которыми располагает каждый производитель для достижения этой цели – с другой стороны. Именно такого рода материальное, производственное общение можно трактовать вслед за Яноушеком как опосредованное отношением цели и средств деятельности.

Развивая далее цитированную мысль Маркса, следует обратить внимание на то, что это материальное общение обеспечивает оптимальный характер производства, ибо приводит к наиболее выгодному соотношению цели и средств коллективной производственной деятель-

⁴⁵ Новая публикация первой главы “Немецкой идеологии” К.Маркса и Ф.Энгельса//Вопросы философии. 1965. № 10. С. 87 (далее обозначается в тексте следующим образом: ВФ. № 10. С...).

⁴⁶ Janoušek J. Sociální komunikace. Praha., 1968. С. 158.

ности. Но эта же функция продолжает существовать и в том случае, когда мы имеем дело со специализированной деятельностью общения, опосредуемой языком или другими знаковыми системами. Вообще всякая деятельность общения в типовом случае направлена на обеспечение единства целей и средств любой иной продуктивной деятельности, носящей общественный характер, и таким образом как бы обслуживает эту последнюю, выступая как средство конституирования и оптимизации этой деятельности. “Общение является условием всех других видов деятельности”⁴⁷.

Однако эта общая функция общения в производственной деятельности может быть рассмотрена и более детально применительно к тем модификациям, которые она получает на различных стадиях трудового процесса и при различных условиях. Эти модификации освещены на большом эмпирическом материале в монографии румынского психолога Т. Слама-Казаку “Общение в процессе труда”⁴⁸.

Возвращаясь к экономическим рукописям Маркса, отметим одно очень важное место, где содержится эксплицитное противоположение “производственных отношений” и отношений общения. Далее упоминаются “формы государства и формы сознания в их отношении к отношениям производства и общения” (46, I, 46). К сожалению, обе этих формулировки входят в заглавие ненаписанного раздела “Рукописей”, и они не получили в тексте какого бы то ни было раскрытия. Правда, имеется “*nota bene*” насчет тех пунктов, которые не должны быть забыты; здесь упоминаются “вторичные” и “третичные”, вообще производные, перенесенные, непервичные производственные отношения” и отмечается “*неодинаковое отношение развития материального производства к развитию, например, искусства*” (там же). Из этих вскользь брошенных мыслей можно заключить, что “отношения общения” Маркс рассматривает как “перенесенные” производственные отношения; такое понимание хорошо согласуется с другими аспектами марксистской теории общества. Ср. на той же странице: “Война раньше достигла развитых форм, чем мир; способ, каким на войне и в армиях и т. д. такие экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., развились раньше, чем внутри гражданского общества. Также и отношение между производительными силами и отношениями общения особенно наглядно в армии”. С другой стороны, важно отметить, что здесь находит подтверждение отмеченная нами выше при анализе “Немецкой идеологии” двойная трактовка общения как процесса и как способа актуализации общественных отношений: “формы государства” здесь соответствуют формам общения” в “Немецкой идеологии”. Наконец, подчеркнем еще раз, что понятие общения и отношений общения не заменяется в “Экономических рукописях” понятием производственных отношений, а *сосуществует* с ними и *противопоставляется* им.

Те положения, касающиеся общения, которые мы находим в “Экономических рукописях 1857–1859 гг.”, развиваются Марксом далее в первом томе “Капитала” (1867).

Здесь для нас представляет специальный интерес прежде всего понятие “общественного контакта”. Понятие общественного контакта (*der gesellschaftliche Kontakt*), подчинено понятию общения⁴⁹ (ибо общение может быть и не непосредственным; контакт есть условие общения, но не само общение) и понятию “общественного характера труда”. А это последнее понятие в “Капитале” соотнесено с “общественным отношением производителей к совокупному труду”: “...Таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы;

⁴⁷ Анцыферова Л.И. Принцип связи психики и деятельности и методология психологии//Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969. С.109. Ср. также: Гибби Г.,Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972. С. 134.

⁴⁸ Slama-Cazacu T. Comunicarea on procesul muncii. Bucureşti. 1964.

⁴⁹ Janoušek J. Указ. соч. С. 14–15.

поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей” (23, 82). Для нас понятие общественного контакта представляет интерес прежде всего потому, что оно – в развитие того, что мы только что видели в тексте “Экономических рукописей” – как бы образует третью вершину треугольника, первой вершиной которого является экономический уклад общества, а второй – “форма общества” (“форма общения” в “Немецкой идеологии”). Понятие “общественного” в “Капитале” как бы раздвоено: с одной стороны, мы имеем дело с историческим развитием форм общества, с социальностью идеологических *отношений* (“вторичные”, перенесенные производственные отношения!). С другой, мы сталкиваемся с обладающими относительной независимостью от экономического базиса внешними разновидностями общения, т. е. с социальностью *реализации* вторичных отношений, с “отношениями общения” как “третичными” перенесенными производственными отношениями. Способ общения, конкретная реализация этого общения, таким образом, зависит от трех факторов, в свою очередь обуславливающих друг друга. Это социально-экономический уклад общества, развитие производительных сил и производственных (вообще материальных) отношений; это, далее, уровень развития идеологических отношений, отраженный в развитии форм общества (особенно государства); это, наконец, типология тех конкретных разновидностей, которые приобретает общение в зависимости от различных условий (в том числе и образуемых предыдущими двумя факторами), в которых оно происходит. Так, общественный контакт в капиталистическом обществе есть следствие появления кооперированных форм труда, а их необходимость, в свою очередь, обусловлена динамикой развития средств производства.

Сама связь конкретного способа реализации общения с обуславливающими этот способ факторами может быть более или менее жесткой в различных исторических условиях, при различных укладах и различных формах общества. Так, разные виды материального общения стоят в непосредственной зависимости от развития общества, в то время как разновидности духовного общения, те упомянутые нами социальные и социально-психологические модификации рассмотренной выше основной функции общения, которые приобретает деятельность общения в развитом обществе, имеют относительно независимый характер.

Завершая анализ философской стороны понятия общения, нам представляется особенно важным указать на то, что последовательный подход к интерпретации общения есть подход с точки зрения правильно (не слишком узко) понимаемого *историзма*. Такой подход, к сожалению, слишком часто подменяется даже в психологии (не говоря уже о таких областях, как лингвистика или семиотика) односторонне-синхронным, по существу феноменологическим анализом и формальной, а нередко даже осуществляемой *ad hoc* классификацией изучаемых явлений. “Это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения...” (ВФ. № 10. С. 100).

Возвращаясь к собственно психологической проблематике, напомним, что в нашем представлении историческое развитие форм общения характеризуется опосредованностью двух видов: семиотической и психологической. На семиотической опосредованности общения мы остановимся в дальнейшем. Сейчас попытаемся по возможности более точно определить, что мы вкладываем в понятие психологической опосредованности общения.

Первый и основной наш тезис заключается в том, что историческое развитие форм общения идет от общения, включенного в какую-то иную деятельность, к общению как деятельности, к деятельности общения⁵⁰. Следовательно, необходимо если не определить понятие дея-

⁵⁰ Конечно, это не означает, что в своем современном виде общение исключает исторически более ранние формы общения (например, материальное общение).

тельности вообще, то по крайней мере обсудить правомерность приложения этого понятия к речи и вообще общению.

По-видимому, нет нужды отстаивать само понятие деятельности в системе современной психологии. Отвлекаясь от различий в ее понимании, можно, однако, легко видеть, что это понятие занимает одно из ведущих мест по крайней мере в трех наиболее распространенных в советской науке психологических концепциях – в концепции школы Л.С. Выготского (здесь понятием деятельности, как известно, много занимался и занимается А.Н. Леонтьев), в теории Д.Н. Узнадзе и в теоретических воззрениях С.Л. Рубинштейна.

Проанализируем прежде всего высказывания С. Л. Рубинштейна о деятельности. Они сводятся к следующему. Деятельность не тождественна активности. Активность – в единстве содержания и процесса; любой психический процесс активен. О деятельности же “мы будем говорить только там, где есть воздействие, изменение окружающего; деятельность в собственном смысле слова – это предметная деятельность, это практика”⁵¹. Конечно, и теоретическая деятельность есть деятельность, но лишь поскольку она оказывает воздействие на людей. Далее у С.Л. Рубинштейна, по нашему мнению, возникает некоторое внутреннее противоречие. С одной стороны, он призывает изучать психику *в* деятельности, а не психику *и* деятельность; личность *в* ее деятельности, а не личность *и* деятельность (выделено нами. – А.Л.). Деятельность, таким образом, как будто бы не является внешней оболочкой психики, но формой ее реализации, способом ее существования. Но тут же С.Л. Рубинштейн утверждает, что “деятельность не является в целом предметом психологии; предметом психологии может быть только ее психическая сторона” (там же). Таким образом, снова с удвоенной силой подчеркивается, что деятельность есть что-то внешнее по отношению к психике. В более поздних работах С.Л. Рубинштейн, сформулировав с большой четкостью известное положение о единстве сознания и деятельности, сохраняет то же “внешнее” понимание деятельности. Он говорит, например, что “деятельность человека обуславливает формирование его сознания, его психических связей, процессов и свойств, а эти последние, осуществляя регуляцию человеческой деятельности, являются условием ее адекватного выполнения”⁵². Правда, в этих работах акценты сильно сдвинуты: наряду с цитированным положением выдвигается требование “понять сознание, психику... как деятельность субъекта, реального индивида”⁵³. Характерно, что Л.И. Анциферова, проследившая эволюцию взглядов С.Л. Рубинштейна на деятельность, вынуждена констатировать, что принцип единства сознания и деятельности оставляет неясным, “что представляет собой тот процесс, в который включено и сознание, и деятельность”, и полагает, что “сама деятельность, представляющая собой целенаправленный и продуктивный процесс взаимодействия личности с окружающим предметным и социальным миром, собственно и является той системой, внутри которой только и может существовать психика”⁵⁴. Иначе говоря, Л.И. Анциферова попросту заменяет одно понятие деятельности (“внешнее” по отношению к понятию психики) другим понятием деятельности, не имеющим прямого соответствия в работах самого С.Л. Рубинштейна.

В концепции С.Л. Рубинштейна деятельность как психологическое понятие, на наш взгляд, в значительной степени подменяется активностью или процессуальностью: специфическую – предметно и социально детерминированную – организацию, которую принято обозначать термином “деятельность”, он приписывает не самим психическим процессам, а их внешним проявлениям, формам их непосредственного воздействия на внешний мир – будь это мир вещей или мир людей.

⁵¹ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940. С. 149.

⁵² Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С. 251.

⁵³ Там же. С. 250.

⁵⁴ Анциферова Л.И. Принцип связи и деятельности и методология психологии//Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969. С. 64.

Анализируя работы Д.Н. Узнадзе, можно видеть, что для него понятие деятельности, хотя оно и встречается у него довольно часто, по существу есть простая активность психики. Другой вопрос, что эта активность, по Узнадзе, “означает отношение субъекта к окружающей действительности”⁵⁵; но все рассуждения автора в этом направлении выходят за пределы собственно психологического анализа, они не объясняют строение психики, а прибавляют к нашему знанию об этом строении некоторое новое знание.

Интересно, что этот “разрыв” внешнего и внутреннего, деятельности и психики, сказался даже в “Общей психологии” под редакцией А.В. Петровского, где понятие деятельности положено едва ли не в основу всей книги (соответствующая шестая глава написана Л.Б. Ительсоном). Деятельность определяется здесь как “внутренняя (психическая) и внешняя (физическая) активность человека, регулируемая сознаваемой целью”⁵⁶.

В нашей трактовке деятельности мы разделяем позицию психологов школы Л.С. Выготского. “Психологический анализ показывает, что внутренняя, идеальная деятельность имеет такое же строение, как и деятельность практическая.... Именно в силу общности строения внутренней теоретической деятельности и внешней практической деятельности их отдельные структурные элементы могут переходить – и действительно переходят – друг в друга, так что внутренняя деятельность постоянно включает в себя отдельные внешние действия и операции, а развитая внешняя практическая деятельность – действия и операции внутренние, мыслительные....

Общность между внешней, практической деятельностью и деятельностью внутренней, идеальной не ограничивается лишь общностью их строения. Психологически существенным является и то, что обе они равно, хотя и различным образом, связывают человека с окружающим миром, который отражается вследствие этого в его голове, что как одна, так и другая форма деятельности опосредованы психическим отражением действительности и что они равно суть осмысленные и смыслообразующие процессы. В их общности и выражается целостность жизни человека”⁵⁷.

Важнейшей психологической особенностью деятельности является то, что она есть (у человека) способ включения в психическую активность отдельной личности *социальной детерминанты*. Деятельность человека всегда социальна, независимо от того, осуществляется ли она в непосредственно коллективной форме или в форме “индивидуальной” творческой активности. И то, что она подчиняется у человека “связям и отношениям изначально общественным”, и обуславливает возможность формирования у человека *общественной* по своей природе системы взаимоотношений с действительностью, *социальной* по природе, а не только по функции, сознания как *общественного* сознания, репрезентирующегося в психической жизни отдельной личности. Естественно, такое понимание предполагает расширенное понимание самой психики (и соответственно предмета психологии); но ведь “человеческий способ мысли есть прежде всего явление социального порядка”⁵⁸. И если перед нами стоит выбор: рассматривать психическую жизнь человека в ее объективной, в первую очередь социальной обусловленности и в реальных условиях ее функционирования, выходя при этом за границы традиционного предмета психологии; или искусственно ограничивать круг своего рассмотрения некоторыми априорно отобранными составляющими единого объекта исследования, выбрасывая все, что не влезает в традиционный предмет психологии, за дверь психологической лаборатории и предоставляя подобрать это любому желающему прохожему – нет сомнения, что следует идти первым путем.

⁵⁵ Психологические исследования. М., 1966. С. 332.

⁵⁶ Общая психология. М., 1970. С. 140.

⁵⁷ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 2. изд. М., 1965. С. 312–313.

⁵⁸ Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965. С. 24.

Деятельность может рассматриваться с психологической точки зрения как определенный способ организации психических процессов, связанный с мотивацией и целеполаганием, с предметным содержанием и иерархическим строением. Система человеческой деятельности в целом распадается в анализе прежде всего на “отдельные деятельности”. “Этим термином мы обозначаем сложную совокупность процессов, объединенных общей направленностью на достижение определенного результата, который является, вместе с тем, объективным побудителем данной деятельности, т. е. тем, в чем конкретизируется (в чем “опредмечена”) та или иная потребность субъекта”⁵⁹. Обратим внимание, что важнейшим признаком самостоятельной “отдельной деятельности” является здесь не *цель* действия (как у Л.Б. Ительсона и, в конечном счете, у С.Л. Рубинштейна), а его *мотив* (или, по крайней мере, мотив *и* цель). Ср. у того же автора характерное высказывание о речи: “обособление функции организации производства и обмена, а в связи с этим и функции воздействия... сообщает речи самостоятельную мотивацию, т. е. превращает ее в относительно самостоятельную деятельность”⁶⁰.

“Отдельной деятельности” иерархически подчинены *действия*: это такие элементы совокупной деятельности, которые характеризуются самостоятельной целью, подчиненной общей цели деятельности, но не самостоятельным мотивом. Наконец, действие есть в свою очередь система *операций*. Операции – такие составляющие деятельности, которые определяются конкретными условиями осуществления действия. (Правда, понятие операции – по крайней мере применительно к речи – требует в свою очередь расслоения на два понятия, условно называемые нами “макрооперациями” и “микрооперациями”. Элементы речевого действия типа “синтаксическое прогнозирование”, “трансформация” и т. д. считаются макрооперациями; “выбор”, “сопоставление” и т. п. – микрооперациями.) Мы позволим себе не останавливаться более подробно на характеристике всех этих понятий, так как они достаточно часто анализировались в работах самого А.Н. Леонтьева, его коллег и учеников. Поэтому перейдем сразу к понятию деятельности и ее частному случаю – речевой деятельности.

Основной недостаток, важнейшее упущение всех тех существующих психологических концепций общения, которые игнорируют или прямо отрицают категорию речевой деятельности и речевого действия, состоит в том, что эти концепции вычленивают речь из общей системы деятельности человека, ставят речевой акт в своего рода психологическую изоляцию от продуктивной, познавательной и других видов деятельности, либо – а иногда одновременно – отождествляют общение со взаимодействием (интеракцией). Речевая деятельность, вообще деятельность общения, есть такой же вид деятельности, как только что упомянутые продуктивная и познавательная деятельность; она в психологическом отношении имеет ту же принципиальную организацию. Но при этом, точно так же как трудовая деятельность может быть рассмотрена не только под психологическим углом зрения (в отношении к ее субъекту и средствам), но и иначе, например, с точки зрения ее объективного результата или социальной организации, деятельность общения тоже может трактоваться не только в плане психологии общения, но и как социальное взаимодействие.

Мы уже неоднократно констатировали первоначальную (в филогенезе) неразрывность трудовой деятельности и общения. В каком направлении идет дальнейшее развитие? Вот что в этой связи говорит А.Н. Леонтьев: “Развитие речи, конечно, не начинается с разговоров на любую тему. Функция речи определена тем, что речь еще остается включенной в коллективную деятельность людей. Она, следовательно, реализует какое-то ее содержание. Какое же именно содержание деятельности может реализоваться в речевых действиях? Очевидно, только то содержание, которое относится к планированию, организации и управлению собственной деятельностью.... Эта теоретическая сторона, таким образом, выделяется из непо-

⁵⁹ Леонтьев А.Н., Панов Д.Ю. Психология человека и технический прогресс. М., 1962. С. 43.

⁶⁰ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 2. изд. М., 1965. С. 308.

средственно практического трудового процесса, хотя и остается еще слитой с речевым общением”⁶¹.

Таким образом, вторым этапом психологического развития общения, по мысли А.Н. Леонтьева, является такой этап, на котором происходит отделение общения от продуктивной деятельности, но еще не осуществилось “единство общения и обобщения”. В какой мере на этом этапе можно говорить о деятельности общения? Мы уже обратили внимание читателя на то, что основным критерием для выделения “отдельной деятельности” как психологической единицы для нас, как и для А.Н. Леонтьева, является критерий самостоятельной мотивации. Можно ли говорить о ней в данном случае? Мы полагаем, что нет: другой вопрос, что происходит усложнение системы мотивов и возникновение вспомогательных мотивов на фоне доминирующей мотивации.

Быть может, мы имеем право говорить о самостоятельной мотивации в генетическом плане, т. е. предполагать, что речевое действие при своем формировании у индивида должно проходить ступень отдельной деятельности? Думается, что у нас нет оснований для такого заключения. Психологически крайне маловероятно, чтобы на описываемом этапе эволюции первобытного сознания имело место сознательное и целенаправленное обучение общению, имела место специфическая мотивация. Как раз здесь критерий цели и критерий мотивации не совпадают: речевое действие в системе коллективной трудовой деятельности имеет бесспорно самостоятельную цель (хотя и подчиненную цели коллективной деятельности), но не характеризуется самостоятельной мотивацией.

Дальнейшим, следующим этапом психологического развития речевого общения, по А.Н. Леонтьеву, является этап, на котором речь приобретает возможность “отделиться” от общения. Для этого необходимо, чтобы сама организация трудового процесса изменилась, чтобы появилась необходимость в такой психической активности участников этого процесса, которая отделена во времени и пространстве от этого трудового процесса.

Естественно возникает вопрос: значит ли сказанное, что до такого отделения мыслительная, интеллектуальная активность не была свойственна первобытному человеку? Можно ли считать, что до появления языковых средств были невозможны интериоризация “внешнего” трудового действия и появление умственных действий? По нашему мнению⁶², такая интериоризация могла быть только частичной и должна была быть связана с двигательным подражанием, с редукцией и частичной функциональной специализацией трудового действия в направлении общения. Конечно, зачатки обобщения здесь тоже уже есть; но сама “материя” таких средств общения не допускает ни высших форм общения, ни высших, свойственных современному человеку, способов абстракции. Мы еще остановимся на разнице (в этом отношении) между дознаковыми и знаковыми носителями абстракции.

Мы упомянули, что предпосылкой нового этапа в психологическом развитии речевого общения являются объективные социально-экономические условия труда, в частности разделение труда. Следствием их изменения является необходимость в “объективации” (Д.Н. Узнадзе) нового типа, в появлении специфической мотивации, вовсе не связанной обязательными, жесткими узлами с актуальным осуществлением трудовой (и вообще продуктивной) деятельности, а равным образом и с актуальным общением как компонентом и предпосылкой этой деятельности. Происходит “отделение теоретической, познавательной функции речи от функции собственно общения... Развитие разделения труда и известное обособление умственной деятельности приводит к тому, что речевые действия осуществляют теперь уже не только общение, но и направляются также и на теоретические цели, что делает их внешнюю форму необя-

⁶¹ Леонтьев А.Н. Указ. соч. С. 308.

⁶² Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963. С. 50–57.

зательной и даже излишней; поэтому в дальнейшем они приобретают характер чисто внутренних процессов.

Эти внутренние процессы (внутренние речевые действия, а впоследствии формирующиеся по общему закону сдвига мотивов внутренней, языковая по своей форме, деятельность и внутренние операции) выступают теперь как чисто познавательные процессы: как процессы речевого мышления или, может быть, как процессы активного запоминания и т. п., – словом, они образуют особый круг внутренних, умственных процессов, которые являются речевыми лишь в том отношении, что их ткань образуют языковые значения, способные отделяться от непосредственного воздействия означаемого”⁶³.

Принципиальная возможность возникновения речевого действия, психологически выделенного из непосредственного коллективного общения, открывает путь в двух направлениях. Во-первых, в направлении, отмеченном А.Н. Леонтьевым – т. е. к широкому использованию речи в некоммуникативных функциях. Во-вторых, в направлении использования речи в “несобственных” коммуникативных функциях, т. е. возможности использования ее не только для внутренней организации коллективной трудовой деятельности, но и для других целей, возникающих в межличностных взаимодействиях членов коммуникативной общности. Особенно важно подчеркнуть, что это второе направление развития является логическим следствием возможностей полной интериоризации умственных действий.

Таким образом, о *деятельности общения* (применительно к речевому общению) целесообразно говорить, когда мы имеем дело с речевыми действиями, имеющими самостоятельную цель (подчиненную общей цели деятельности) и самостоятельную мотивацию, не совпадающую с доминирующей мотивацией той неречевой деятельности, которую обслуживают данные речевые действия. В соответствии с общими закономерностями психологической организации деятельности эти речевые действия могут выступать как “отдельная деятельность”, во всяком случае в процессе их формирования.

Но историческая эволюция деятельности общения на этом не заканчивается. Социально-экономическое (и – отсюда – политическое) развитие общества ведет к дальнейшему разделению труда и к появлению специфических требований к речевому воздействию: речевое воздействие становится специализированной, нередко профессиональной деятельностью, за него, по выражению В.А. Артемова, начинают платить деньги. А это, естественно, закономерно ведет к появлению полностью психологически самостоятельной деятельности общения, мотивированной, так сказать, изнутри себя. Такова деятельность профессионального оратора, лектора, драматического актера, эстрадного чтеца и т. д.

В свете сказанного выше, быть может, целесообразно придать различное понятийное содержание терминам “речь” и “речевая деятельность”. Речевая деятельность есть специализированное употребление речи *для общения*, частный случай деятельности общения. Тогда речь есть потенциальный компонент *любой* деятельности, например, познавательной (мыслительной), мнемической и т. п.

Вернемся теперь к понятию собственно *общения* и, не стремясь дать окончательную его дефиницию, попытаемся охарактеризовать психологическую сущность этого феномена. Однако прежде чем сделать это, охарактеризуем некоторые, наиболее характерные, с нашей точки зрения, подходы к общению, содержащиеся в работах последних лет, посвященных этой проблеме.

Едва ли не наиболее интересной (и в то же время достаточно характерной) из моделей коммуникации, выдвинутых в зарубежной науке, является модель Л. Тайера⁶⁴. Он вводит три основных “координаты” общения (что, кстати говоря, позволяет в дальнейшем изобра-

⁶³ Леонтьев А.Н. Указ. соч. С. 308–309.

⁶⁴ Thayer L. Communication and Communication Systems. Homewood (Ill.), 1968.

зять модель в виде куба): “коммуникационные способности”, “базисные процессы” и “уровень анализа”. “Способности” автор разделяет на “стратегические” и “тактические”, т. е. способности говорящего понять коммуникативную ситуацию и способности, обеспечивающие для него непосредственную возможность вступить в успешную коммуникацию.

Из “базисных процессов” автор выделяет четыре: это “производство” общения (generating), “распространение” или “передача” (disseminating), “усвоение” (acquiring) и “обработка” (processing).

Уровни анализа следующие: “коммуникационная система”, “организационный” уровень, “межличностный” и “внутриличностный” уровень. Эта система, как можно видеть, дает возможность более четко определить предмет психологии общения: это будет анализ на “внутриличностном” и “межличностном” уровнях (дальнейшие уровни относятся уже к компетенции социологии).

Если анализ “базисных процессов” несет на себе печать позитивистского подхода, столь распространенного в американских теориях коммуникации⁶⁵, то выделение двух видов “способностей” имеет четкий психологический смысл. Если в речевом действии (т. е. другими словами, в процессе речевого общения, рассматриваемого с психологической точки зрения) выделять ориентировочно-планирующую и исполнительную фазу, то “стратегические способности” – это и есть такие навыки и умения говорящего, которые обеспечивают адекватность первой фазы. Соответственно, “тактические способности” – это навыки и умения собственно речи, перехода от речевого намерения и речевого плана к осуществлению речевого общения. Особенно существенно это различие в тех случаях, когда нам приходится для тех или иных целей обучать коммуникации, например, в ситуации ораторской речи или в овладении иностранным языком.

Из отечественных исследований в этой области остановимся на двух: это уже упоминавшаяся выше статья В.Н. Панферова “Психология общения” и книга Б.Д. Парыгина.

В.Н. Панферов выделяет в содержательной структуре общения четыре момента: 1) связь, 2) взаимодействие, 3) познание, 4) взаимоотношение. “Функция связи заключена в передаче различной информации: осведомительной, регулятивной или аффективной по своему основному значению. Взаимодействие понимается как процесс совместной деятельности людей по выполнению общей задачи; познание – как процесс восприятия и интерпретации человеческого поведения и его осознания в целях понимания личностной сущности”⁶⁶. Выделяются, далее, две наиболее общих формы общения: опосредованное и непосредственное, причем опосредовать его может человек или средство связи (включая МК, искусство и т. п.). Возможны четыре “общих аспекта” изучения проблемы общения или “методологических принципов” ее исследования. “Коммуникативный аспект предполагает изучение возможных путей поиска связей между людьми как средств общения. Информационный аспект – это изучение сигналов, которые поступают в каналы связи, с точки зрения их содержания и формы. Гностический аспект – изучение процессов восприятия и интерпретации сигналов, поступающих по каналам связи от одного человека другому. Регулятивный аспект общения предполагает изучение поведения людей под воздействием воспринятых ими сообщений, которые были переданы по тому или иному каналу связи”⁶⁷. Внутри каждого аспекта автор выделяет психологическую проблематику, особенно акцентируя две проблемы: а) выразительные движения и б) познание людьми друг друга.

Уже из этого краткого изложения статьи В.Н. Панферова видно, что, несмотря на ее название, она построена не как психологический, а как сугубо логический, точнее логицисти-

⁶⁵ В этом отношении очень характерен, например, сб. “Language Behavior”/Ed. J. Akin a.o. The Hague; Paris, 1970.

⁶⁶ Панферов В.Н. Психология общения//Вопросы философии. 1971. № 7. С. 126–127.

⁶⁷ Там же. С. 127.

ческий анализ процессов общения. Вся та проблематика психологии общения, о которой мы писали в начале работы, оказывается не в центре, а на периферии системы В.Н. Панферова; при всей тонкости осуществленного анализа ему, как нам кажется, не удалось вычленив из совокупной проблематики общения ее психологическую сторону и представить эту сторону как целое. Видимо, чтобы такое вычленение осуществить, надо идти не от глобального представления сети коммуникативных процессов, а в обратном направлении – от общающейся личности в обусловленности присущих ей психологических характеристик социальными и иными факторами.

В особенно внимательном рассмотрении нуждается монография Б.Д. Парыгина “Основы социально-психологической теории”, где общению почти целиком посвящен раздел третий, названный, правда, с нашей точки зрения, несколько неточно – “Феноменологические основы социально-психологической теории. Проблема общения”.

Б.Д. Парыгин стремится дать специфическую характеристику общения. Для этой цели он вводит категорию взаимопонимания. “О взаимопонимании людьми друг друга можно говорить..., имея в виду совпадение, сходство или просто созвучие у различных людей взглядов на мир и ценностных ориентаций, понимание индивидуальных особенностей друг друга, понимание или даже угадывание мотивов поведения друг друга и возможности вести себя так или иначе в какой-то конкретной ситуации, взаимопонимание как принятие исполняемых по отношению друг к другу ролей, взаимопонимание как взаимное принятие самооценки, своих возможностей и способностей и т. д.”⁶⁸.

Категория взаимопонимания (согласия) как одна из характеристик общения, по указанию Б.Д. Парыгина, встречается и в работах других социальных психологов⁶⁹. Так, Т. Ньюком рассматривает коммуникацию как связь, имеющую следствием возрастание степени согласия участников общения. Далее автор рассматривает условия взаимопонимания (понимание другого человека, понимание его отношения к себе как к партнеру по общению, понимание самих отношений) и уровни взаимопонимания – “в зависимости от того: а) совпадает ли только система социальных и индивидуальных значений у общающихся, с одной стороны, и нет совпадений в уровне самооценки – с другой, или б) когда совпадает не только система значений (социальных и индивидуальных), но и уровень взаимной оценки”⁷⁰.

Характерно, однако, что делая серьезный шаг в сторону общепсихологической квалификации общения, Б.Д. Парыгин тем не менее рассматривает взаимопонимание как статическую характеристику. В общении происходит “процесс установления взаимопонимания”: оно либо устанавливается, либо нет. При этом, по мнению автора, функции установления взаимопонимания подчинены все остальные функции общения; однако это утверждение, на наш взгляд, успешно опровергается соседствующим с ним тезисом о том, что “речь... может служить средством и передачи сообщения, и воздействия и в тех случаях, когда взаимопонимание между общающимися отсутствует и вряд ли может быть достигнуто”⁷¹.

В этой связи упомянем, что по Б.Д. Парыгину, у речевого общения есть следующие функции: установление взаимопонимания, передача информации, экспрессия и психологическое воздействие. Думается, что эти понятия (перечень функций заимствован автором у С.Л. Рубинштейна) гетерогенны и едва ли могут быть поставлены в один ряд. Действительно, психологическое воздействие есть в сущности процесс, а не функция: оно осуществляется для

⁶⁸ Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 201.

⁶⁹ Шибутани Т. Социальная психология М., 1969; Ньюком Т. Исследование согласия//Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1965.

⁷⁰ Парыгин Б.Д. Указ. соч. С. 205.

⁷¹ Там же. С. 201. Возможны даже такие формы общения, которые с самого начала предполагают отсутствие взаимопонимания, вплоть до полной “деструкции” сознания реципиента. Такого рода “антиобщение” встречается, например, в массовой коммуникации (точнее, в “психологической войне”).

чего-то другого, направляется и обуславливается чем-то. Экспрессия – понятие сугубо лингвистическое; оно не имеет ни социологического, ни психологического смысла (за ним могут стоять очень различные психологические реальности). Передача информации также не определена в психологическом отношении, так как – при полной неопределенности этого понятия в современной науке – остается совершенно неясным, что именно передается и, главное, зачем (почему). О функции установления взаимопонимания мы уже говорили выше: по нашему мнению, о нем нельзя говорить как об одномоментном явлении. Имеет место определенная *психологическая динамика* общения, разная в разных видах общения, и общение может и должно быть охарактеризовано по характеру соотношения “начального” и “конечного” звеньев этого процесса.

Подводя определенные итоги рассмотрению общения, Б.Д. Парыгин предлагает выделять следующие параметры процесса общения: “а) психический контакт, возникающий между индивидами и реализующийся в процессе их взаимного восприятия друг друга; б) обмен информацией посредством вербального или невербального обобщения; в) взаимодействие и взаимовлияние друг на друга”⁷². Но ср. ниже: “Еще более обобщенно можно говорить о двух сторонах общения: внутренней, перцептуально-коммуникативной, связанной с психическим состоянием общающихся, с уровнем их взаимопонимания, и внешней, интеракционной, связанной с поведением и взаимодействием общающихся индивидов”⁷³. Далее предлагается дифференциация общения по одному основанию (содержание vs. форма) на разных уровнях, и доказывается, что “с содержательной, внутренней стороны общение могло бы рассматриваться как коммуникативный процесс взаимного выражения психического состояния и обмена информацией, между тем как со стороны формы можно было бы говорить о поведенческом аспекте общения, реализуемом в процессе интеракции, то есть взаимодействия людей, их поведения по отношению друг к другу”⁷⁴.

В этом рассуждении особенно ясно проявилась слабая сторона концепции Б.Д. Парыгина. Несмотря на декларативные утверждения о социальности подхода к процессам общения, автор остался целиком в плену индивидуально-психологической трактовки этих процессов как межличностных, как процессов установления контакта между изолированными “сознаниями”, своего рода психологическими монадами. Что касается интеракции, совместной деятельности, то она оказывается внешним “поведением” людей по отношению друг к другу, в котором выражается “содержательная”, индивидуально-психическая сторона общения, являющаяся основой.

В тезисах доклада на Первом ленинградском симпозиуме по психологии общения Б.Д. Парыгин вводит несколько иную, на наш взгляд, более приемлемую, систему. Он выделяет у общения три параметра: 1) содержание и направленность: общение может быть идентифицирующим и обособляющим, содействующим и противодействующим; 2) форма: вербальное и невербальное общение, непосредственное, межличностное и опосредованное; 3) способы связи содержания и формы в процессе общения: подражание, заражение, внушение, убеждение⁷⁵.

В дальнейшем, предлагая несколько иную систему психологических “координат” общения, мы используем эту концепцию Б.Д. Парыгина, хотя, как видно из предшествующего анализа, расходимся с ним в понимании ряда существенных проблем психологии общения. Во всяком случае, нельзя не отметить, что книга Б.Д. Парыгина представляет собой наиболее

⁷² Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 221. Ср. также: Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. Л., 1967. С. 41—147.

⁷³ Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 222.

⁷⁴ Там же. С. 223.

⁷⁵ Парыгин Б.Д. К вопросу о структуре социально-психологического общения//Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми. Л., 1970. С. 23.

серьезное и аргументированное исследование в советской психологии общения, и уже в этом ее большое значение.

Обратимся теперь к анализу понятия общения с нашей точки зрения, напомнив читателю, что мы ни в коей мере не претендуем на его дефиницию.

Для нас общение есть процесс установления и поддержания целенаправленного, прямого или опосредованного теми или иными средствами контакта между людьми, так или иначе связанными друг с другом в психологическом отношении. Осуществление этого контакта позволяет либо изменять протекание коллективной (совместной) деятельности за счет согласования (рассогласования) “индивидуальных” деятельностей по тем или иным параметрам или, напротив, разделение функций (социально ориентированное общение), либо осуществлять целенаправленное воздействие (объем и качественная специфика которого может определяться как “извне” обществом, так и “изнутри” самой личностью) на формирование и изменение отдельной личности (или непосредственно на ее поведение) в процессе коллективной или “индивидуальной”, но социально опосредованной деятельности (личностно ориентированное общение).

В этой формулировке, с нашей точки зрения, необходимо подчеркнуть следующие стороны.

Во-первых, важно, что общение происходит всегда внутри группы людей (частным случаем которой является “система” из двух собеседников), так или иначе определенной психологически. Другой вопрос, что здесь возможны очень различные характеристики, объединяющие участников общения. Это могут быть общие интересы, мотивы, знания, установки, цели, общие средства деятельности и т. д. При этом психологическое “единство” данной группы может быть не объективным, а субъективным. Я могу вступить в актуальное общение с совершенно незнакомым мне человеком, ошибочно полагая, что это мой старый приятель, связанный со мной единством интересов и жизненного опыта. Далее, это может быть не наличие единых, общих характеристик, а их потенциальная “комплиментарность”, взаимодополнительность. Вступая на улице в беседу с постовым милиционером, чтобы выяснить адрес, я на основе системы ролевых ожиданий предполагаю, что мой собеседник владеет некоторым знанием, необходимым мне для того, чтобы разрешить возникшую передо мной проблемную ситуацию. И так далее. Даже в тех случаях, когда, казалось бы, мы имеем “открытый” коллектив, к тому же подобранный по чисто случайным признакам (например, в аудитории публичной лекции), этот коллектив, эта группа (мы в дальнейшем, используя удачный немецкий термин, будем говорить об “общности”, *Gemeinschaft*, имея в виду именно группу людей, связанных общением) не может не иметь к началу общения (в данном случае лекции) каких-то объединяющих ее психологических характеристик, пусть объединяющих лишь с точки зрения того или иного ее члена. Например, может оказаться, что не все слушатели лекции пришли на нее по одним и тем же мотивам; вполне достаточно, чтобы каждый из них думал, что и другие пришли по тем же мотивам, что и он.

Общение с психологической точки зрения как раз и ориентировано чаще всего на то, чтобы изменить в том или ином направлении эти характеристики, распространяя их на всех членов общности и в известном смысле “унифицируя” их психику или осуществляя сознательное или бессознательное распределение социальных ролей между членами общности, что приводит к частичной психологической дифференциации (с сохранением однако единого психологического “фона”: так, координация трудовых действий предполагает единство целей и, по крайней мере частично, единство мотивации, хотя средства, используемые отдельными членами общности для достижения этих общих целей, будут заведомо различными), либо изменить психологическое “лицо” отдельных членов общности с тем, чтобы в конечном счете добиться опять-таки иной психологической ориентации этой общности в целом. Разница между первым и вторым случаем заключается в том, что в первом мы не ставим перед собой задачи воздействия на структуру отдельной личности, ограничиваясь глобальной (при этом

нередко частичной, преходящей, ограниченной в пространстве и времени) переориентацией психики членов общности. Например, киносеанс есть акт общения, бесспорно вызывающий известную психологическую “унификацию” аудитории. Но кончается сеанс, и общность распадается. В случае аудитории радио, телевидения, публичной речи воздействие будет более стойким, но оно все-таки направлено на общность в целом. Совсем другое дело, скажем, урок в школе, где задачей является именно довести до каждого члена общности (класса) какую-то совокупность знаний, умений, норм поведения. Тем более сказанное относится к межличностному общению. Это и есть различие социально и личностно ориентированного общения; назовем эту характеристику “*ориентацией*” общения.

Во-вторых, сказанное только что приводит к мысли о правомерности собственно психологической классификации видов общения – в зависимости от динамики психологического изменения, осуществляемого в данном акте общения. Так или иначе, заметим себе, что есть группа характеристик общения, которые можно условно назвать его “*психологической динамикой*”.

В-третьих, остановимся на различии прямого и опосредствованного контакта. Далее нам придется говорить о семиотической специализации общения; целесообразно с самого начала подчеркнуть, что опосредствованный контакт совершенно не обязательно предполагает семиотическую специализацию и наоборот. Общение при помощи языка (речевое общение) в малой группе, конечно, семиотически специализировано – ведь используется специальная знаковая система. Но оно безусловно предполагает прямой контакт. И, напротив, легко себе представить довольно разнообразные ситуации, в которых налицо нет никакой семиотической специализации, но контакт является опосредствованным. Пример: человек получает подарок по почте. Это, бесспорно, акт общения, представляющий собой актуализацию отношения, предполагающий непрямой контакт и заведомо неспециализированный.

Здесь следует говорить, следовательно, по крайней мере о двух различных характеристиках общения: о *семиотической специализации* и о *степени опосредованности*. Заметим в заключение, что речь идет именно о различной степени опосредованности, а не только о наличии или отсутствии ее; так, непосредственное межличностное общение, “массовое” общение, общение через посредство средств МК типа радио или телевидения, общение через посредство прессы и т. п. представляют собой под данным углом зрения именно последовательные степени опосредованности общения.

Остановимся на указанных характеристиках или координатах общения несколько подробнее.

Ориентация общения. Это наиболее общая целевая характеристика общения. Как мы отмечали, оно может быть, в частности, социально ориентированным (СРО) и личностно ориентированным (ЛРО); важно подчеркнуть, что социальность внешних форм общения (ср. ниже о степени опосредованности) и ориентация не совпадают. Так, распространение слухов есть бесспорно межличностное по характеру опосредованности общение; но это общение социально ориентированное, его целью (если мы имеем дело именно с распространением слухов как одним из видов “психологической войны”) является социально-психологическая переориентация общности в целом. С другой стороны, представим себе излюбленную в детективных произведениях ситуацию, когда резидент общается с разведчиком через посредство объявления в газете. Это общение, опосредованное в высшей степени, но безусловно личностно ориентированное.

Специфическая ориентация того или иного вида общения более или менее непосредственно может отражаться на его средствах и на протекании самих процессов общения. Так,

многие даже чисто языковые особенности радио– и телевизионной речи коренятся именно в ее ориентации⁷⁶.

Критерий ориентации соотносим с той характеристикой, которую в тбилисской школе Д.Н. Узнадзе обычно называют “установкой”, хотя и гораздо уже этого понятия. Далее нам придется специально говорить о тех психологических факторах, которые формируют ориентацию и другие виды коммуникативной установки.

В последнее время Б.Х. Бгажноковым и студентами психологического факультета МГУ А. Висягиной и М. Мдивани была произведена экспериментальная проверка значимости фактора психологической ориентации. В качестве испытуемых были использованы ученики десятых классов средней школы.

В первой серии эксперимента из одного класса отбиралось четверо желающих. После знакомства с научным текстом средней трудности перед ними ставилась задача как можно убедительней и доходчивей объяснить смысл социально-психологических терминов, описанных в тексте, одному из четырех предварительно отобранных учеников этого же класса. Перед последними ставилась задача максимального усвоения преподносимого им материала. Каждая пара беседовала в отдельном кабинете без свидетелей.

Затем перед испытуемыми ставилась новая задача: выступить с тем же материалом перед классом, который будет оценивать достоинства и недостатки его рассказа. Как в первом, так и во втором случае рассказ испытуемых записывался на замаскированный магнитофон. Во второй серии эксперимента была изменена последовательность коммуникативных задач: испытуемый рассказывал содержание текста сначала классу, а затем одному из товарищей.

Предполагалось, что различие психологической ориентации в условиях СРО и ЛРО приближит первый вид общения к развернутому монологическому повествованию, а второй – к непринужденной, спонтанной диалогической речи. Изменение последовательности коммуникативных задач и, соответственно, первичных ориентаций испытуемых должно было привести к большей разговорности речи в первой серии, чем во второй.

Подсчет общего объема речевой продукции, процента существительных, глаголов и служебных слов, используемых испытуемым, показал, что характер общения изменяется не только в зависимости от коммуникативных задач, но и от порядка их решения (см. табл. 1). Общий объем речи испытуемых в первой серии ЛРО значительно (почти в два раза) больше, чем во второй (см. табл. 2) как в абсолютных числах, так и в процентном отношении к сумме использованных партнерами по общению.

Таблица 1

Сер, я, №	Коммун, к. задача	Общ, й объем реч,	Существ., ср. %	Глаголы, ср. %	Служебные слова, ср. %
I	ЛРО	3778	16	14,1	21,4
	СРО	1798	20,2	11,6	23,6
II	СРО	1316	22,9	13,1	24
	ЛРО	1964	19,6	12,7	23,7

Таблица 2

⁷⁶ Бгажноков Б.Х. Психолингвистические проблемы речевого общения (лично-исоциально ориентированное речевое общение): Дис... канд. психол. наук. М., 1973. Гл. 2.

Сер, я, №	Общ, й объем реч, , спыт.	Общ, й объем реч, собесед.	Общая сумма слов	Соотнош. слов, , сп. , спыт. , собеседн, ка, %
I	3778	1247	5025	75,1:24,9
II	1964	412	2376	82,5:17,3

Темп речи каждого испытуемого в первой серии СРО равен в среднем 112 словам в минуту, темп речи во второй серии заметно меньше – 85 слов в минуту.

ЛРО и СРО различаются не только по вышеприведенным количественным данным, но и композицией общения в целом. В ЛРО мы имеем типичный случай беседы, роли говорящего и слушающего постоянно меняются, в СРО – монолог, обращенный к пассивной аудитории. В ЛРО наблюдается типичная для диалогической речи инверсия, лексическая, грамматическая недоговоренность. Компенсацией указанных отклонений, обеспечивающей взаимопонимание общающихся, являются: 1) использование в коммуникативных целях мимики, жестов и т. д.; 2) возможность взаимной регуляции речевого и неречевого поведения.

Сравнительный анализ ЛРО и СРО показал, что в целом первый вид общения, как по соотношению используемых лексических единиц, синтаксису и интонации, так и по композиции, тяготеет к нормам разговорной речи, в то время как СРО по указанным характеристикам ближе к монологическому повествованию. Видно, что структуры СРО и ЛРО заметно изменились в сторону использования частей речи, характерных для монологического повествования, – существительных и служебных слов. Здесь испытуемый показывает ригидность первоначально выработавшейся психологической ориентации на общение.

В первой и во второй серии СРО различается количеством примеров, интерпретаций, оценок. Это можно объяснить тем, что в первой серии испытуемый, решая первую коммуникативную задачу, бессознательно подготавливает себя для решения второй; опыт беседы с одним из товарищей позволяет ему учитывать вопросы и сомнения, которые могут возникнуть у сидящих в классе, посредством: а) разъяснения функций, которые имеют социально-психологические термины, б) сравнений, в) собственных примеров, г) использования риторических вопросов, д) выводов, повторных разъяснений терминов.

Во второй серии при СРО испытуемые не располагают достаточной информацией о возможной реакции слушателей, поэтому перечисленные выше приемы почти не используются.

При ЛРО также наблюдается различие между второй и первой сериями эксперимента. Во второй серии сказывается влияние уже решенной первой коммуникативной задачи. Отношения между испытуемыми менее “демократичны”, чем в первой серии.

Во второй части исследования перед экспериментом стояли те же задачи, что и в первой. Но в первой части различие между ЛРО и СРО можно объяснить не только первоначальной психологической ориентацией, но и внешней ситуацией общения, которая различна при ЛРО и СРО. Поэтому во второй части эксперимента внешняя ситуация при СРО и ЛРО была одинаковой – испытуемый пересказывал текст, записывая себя сам, без свидетелей, на магнитофонную ленту. В остальном (инструкции и последовательность коммуникативных задач) ситуация эксперимента была такой же, как и в первой части исследования.

При подсчете общего объема и семантической насыщенности речевой продукции были выявлены следующие результаты (см. табл. 3).

Таблица 3

Сер, я, №	Коммун, к. задача	Общ, й объем реч,	Существ., ср. %	Глаголы, ср. %	Служебные слова, ср. %
I	ЛРО	1338	24,6	14,4	26
	СРО	1441	26,2	14,6	29,5
II	СРО	1631	23,9	17,4	30,3
	ЛРО	2507	18,6	14,3	29,6

Видно, что общий объем в первой серии больше при СРО, чем при ЛРО. Это, по-видимому, можно объяснить тем, что пересказывая текст своему другу (которого испытуемый выбирал по желанию), он учитывал его личностные особенности и понятийные возможности, что позволило ему опускать некоторые вещи вследствие их очевидной ясности для обоих. Когда же испытуемый приступил к выступлению в классе, он рассказывал более полно и развернуто, более медленно и обстоятельно. Об этом свидетельствуют увеличившийся общий объем речевой продукции, увеличение семантической насыщенности и уменьшение темпа речи. Если в ЛРО первой серии он был в среднем 93,5 слов в минуту, то в СРО – 85,8 слов в минуту.

Что касается второй серии, то в данном случае ситуация обратная. Но это тоже закономерно. Общий объем речи в СРО приблизительно одного порядка с объемом речи СРО в первой серии, но в ЛРО объем резко увеличивается. Если учесть композицию общения в целом, то становится понятным это увеличение. Дело в том, что с увеличением общего объема речи уменьшается ее семантическая насыщенность, то есть испытуемый, рассказав один раз текст классу, уже достаточно ознакомился с ним и тем самым как бы снял с себя ответственность, возлагающуюся на него при достижении социально значимого эффекта. В беседе с другом он чувствует себя более свободно, делает много отступлений от смысла, заложенного в тексте. Речь становится более беглой и непринужденной. Темп речи увеличивается: 104,9 слов в минуту, если в СРО – 78 слов в минуту.

Итак, при одинаковых социально-коммуникативных задачах речевое поведение людей может быть различным в зависимости от их психологической ориентации. Поэтому характер общения следует определять прежде всего по внутренней психологической ориентации субъекта общения или по ориентации некоторой системы общения.

Результаты первой части эксперимента показывают, что одним из факторов, повышающих эффективность СРО, является его опосредованность ЛРО.

Во второй части эксперимента показано, что решение коммуникативной задачи в ЛРО позволяет субъекту максимально приблизиться к сути содержания публичного выступления. Оно является как бы тренировкой, которая повышает эффективность СРО, превращая его в развернутое монологическое повествование.

Результаты описанного эксперимента представляют поэтому интерес не только для оценки сравнительной значимости социально-коммуникативной ситуации общения и его психологической ориентации, но и с точки зрения путей оптимизации радио- и телевизионной речи, путей формирования умений массового общения.

До сих пор речь шла о двух видах ориентации общения, поскольку мы рассматривали самостоятельную деятельность общения, носящую, так сказать, “теоретический” характер. По-видимому, есть известные основания говорить и об общении, ориентированном на продукт или на содержание деятельности, например в тех случаях, когда общение “непосредственно вплетено” в процесс коллективного производства (за это указание мы благодарим А.У.Хараша). К этой (или близкой) проблематике нам придется вернуться ниже при анализе социальной мотивации общения и потребности общения.

Психологическая динамика общения. Эту весьма широкую характеристику приходится вводить потому, что психологическое содержание общения может быть очень различным. Если даже говорить только о процессах речевого воздействия, то это воздействие может осуществляться в сфере знаний (информирование, обучение), в сфере навыков и умений той или иной деятельности (обучение), в сфере собственно деятельности в ее реальном осуществлении (внушение, убеждение), в сфере мотивов и потребностей, установок, ценностной ориентации и т. п. (убеждение). Если добавить к этому еще и тот общеизвестный факт, что даже процесс речевого воздействия не носит в строгом смысле “однонаправленного” характера (что особенно ясно видно в публичной, “ораторской” речи), – а об общении типа межличностного нечего и говорить, – то мы получим крайне широкий спектр разнообразных изменений в психических состояниях и протекании психических процессов у коммуникатора и реципиента (реципиентов), связанных с процессом общения. Эти изменения, особенно применительно к реципиенту, в значительной мере прогнозируются коммуникатором, но, естественно, далеко не полностью – постольку, поскольку моделирование говорящим личности собеседника (или, тем более, психологических характеристик аудитории) никогда не бывает стопроцентно правильным и лишь стремится приблизиться к реальному положению вещей. (Кроме того, всегда остаются сведения о собеседнике, особенно о его мотивах и установках, которые в принципе неизвестны говорящему и не могут быть использованы им при таком моделировании.)

Вероятно, можно было бы развернуть описываемый критерий наиболее подробно, представив его в свою очередь как матрицу возможных типов психологического взаимодействия. Однако мы не располагаем сейчас сколько-нибудь полным “тезаурусом” различных видов общения, и пока что любая попытка такого рода будет вынужденно неполной.

Обе указанных характеристики (ориентация общения и психологическая динамика общения), как можно видеть, соотнесены с первой из трех основных фаз речевой (равно как и иной) деятельности – фазой ориентировки и планирования. Они в основном связаны с ориентировкой коммуникатора в ситуации общения (в широком смысле), а также с мотивационными и целевыми характеристиками речи. Координата “психологической динамики” общения особенно тесно взаимосвязана с его деятельностным характером. Во-первых, качественные развития в психологической динамике общения непосредственно детерминированы спецификой деятельности, в которую это общение включено и которой подчинено. Во-вторых, эта динамика (именно как динамика процессов, происходящих в системе общения!) в значительной мере направляется тем, насколько поставленная коммуникатором цель достигнута им в процессе общения, насколько мотив деятельности общения совпадает с ее результатом.

Семиотическая специализация общения. Эта характеристика определяется тем, какие средства используются в общении. Мы уже ранее останавливались на том, что возможно, в частности, материальное общение; ему противостоит знаковое общение, которому будет посвящен специальный параграф. В свою очередь, внутри знакового общения можно выделить речевое общение; общение при помощи знаковых систем, психологически эквивалентных языку (первичных), например, при помощи “языка” жестов (в ситуациях, когда язык не функционирует, например, в спонтанной мимической речи глухонемых детей до начала систематического обучения); общение при помощи вторичных знаковых систем с опорой на язык; общение при помощи вторичных знаковых систем специфического характера (ср. напр. такую проблему, как “семиотика карты”); общение при помощи ситуативно осмысляемых материальных объектов, получающих, так сказать, *ad hoc* ту или иную семиотическую нагрузку – ср. приведенный ранее пример с подарком, присланным по почте. Современная семиотика, к сожалению, абсолютно не в состоянии дать содержательную характеристику всем этим видам знакового опосредования общения и вскрыть их действительное взаимоотношение и психологическую иерархию. Поскольку все эти проблемы не входят в основное содержание данной работы, мы

позволим себе указать здесь на другие свои публикации, где они затрагиваются с большей степенью подробности⁷⁷.

Из сказанного ранее очевидно, что всякое общение имеет целью то или иное направленное изменение в смысловом поле реципиента⁷⁸. Такое направленное изменение может осуществляться при помощи различных средств. Наиболее распространенным является путь через значения; мы подбираем слова и словосочетания и организуем их в высказывание на различных уровнях таким образом, чтобы при восприятии речи реципиентом осуществился – более или менее опосредствованным путем – желаемый сдвиг в его смысловом поле. Точно так же обстоит дело и с другими знаковыми системами, например с теми компонентами мимико-жестикуляторного поведения, которые носят конвенциональный характер и могут быть условно обозначены как “релевантные паралингвистические средства”. Во всех этих случаях не происходит непосредственного воздействия на личностный смысл, оно опосредовано восприятием знаковых средств, и значение этих средств входит как необходимый и как основной компонент в содержание воздействия.

Возможны, однако, и другие психологические формы общения. Например, можно говорить об общении, осуществляемом через восприятие знаковых средств, когда это восприятие вызывает специфическую встречную активность реципиента, например при посредстве графиков. Очевидно, что одна и та же информация, представляемая в виде числовой таблицы и в виде графика или кривой, значительно разнится по мере воздействия на читателя: последний узнает значительно больше, если находит информацию в графическом представлении. Каков психологический механизм этого воздействия? Графические средства “переводят абстрактные трудно уловимые отношения в область интуитивно-близкого воззрения”⁷⁹. “Своеобразие графика как знаковой системы заключается в том, что в качестве основного средства передачи информации в нем используются не знаки-коды, а знаки-образы... В случае статистических графиков речь идет, разумеется, не о художественных, а о простейших геометрических образах. Но последние обладают способностью отображать и характеризовать некоторые целостные умственные построения (ансамбли), связанные с количественной характеристикой статистических совокупностей. Сила, эффективность такой системы сигналов основывается на том, что она обращается непосредственно к чувственному познанию (восприятию) изучаемых соотношений и позволяет осознать их значение, если и не совсем минуя стадию языкового мышления, то во всяком случае значительно укорачивая ее”⁸⁰. С этими определениями можно согласиться по существу, сделав необходимую скидку на несовершенство терминологии. Так или иначе, чисто знаковое, “значенческое” содержание графика явно подчинено какому-то иному содержанию, “прочитываемому” реципиентом как бы “между строками” графика. Иными словами, график стимулирует эвристическую познавательную активность реципиента, в ходе которой этот последний получает дополнительную информацию.

Возможно, однако, и личностно-смысловое общение, вообще не использующее специальные знаковые средства с закрепленными за ними значениями и если и сочетающееся со знаковым общением, то лишь параллельно и независимо. Примером подобного общения является использование нерелевантных, некодифицированных мимико-жестикулярных средств: я могу, например, достаточно убедительно воздействовать на реципиента, лишь воспроизводя то или иное эмоциональное состояние. Такого рода смысловое воздействие широко используется в массовой коммуникации и других видах массового воздействия. Сюда же относится и так называемое суггестивное воздействие, обычно сопровождающее процессы речевого обще-

⁷⁷ Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. Гл. 1, § 4 и 5; *Он же*. Язык и разум человека. М., 1965.

⁷⁸ Леонтьев А.А. К психологии речевого воздействия// Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. (См. наст. изд., с. 271–281.)

⁷⁹ Рубановский Л.М. Методы физической статистики. М.; Л., 1934. С. 46.

⁸⁰ Герчук Я.П. Графические методы в статистике. М., 1968. С. 16.

ния⁸¹. Наконец, как считает Б.Ф.Поршнев, "...знаковую роль играют не только сами знаки, но и их нарочитое торможение – выразительное отсутствие.... Молчание – это не просто отсутствие речи, сплошь и рядом оно есть торможение или отмена речи или даже, можно сказать, антиречь"⁸². Это тоже, по-видимому, один из видов личностно-смыслового общения.

Генетически личностно-смысловое общение предшествует знаковому. Так, очевидно, что общение, опосредованное отношением цели и средств, предполагает именно такого рода непосредственное изменение в смысловом поле.

Степень опосредованности. Это больше количественная, чем качественная характеристика – иначе ее можно определить как социальную "дистанцию", отделяющую коммуникатора от реципиента. Иначе говоря, это – количество ступеней опосредования процесса общения, при условии тождества сообщения. Такого рода "ступени" могут выполнять в отношении общения разные функции: редактирующую, контролирующую, техническую, распространительную (как это происходит в массовой коммуникации); однако общение (скажем, текст радиорепортажа или информация в газете) сохраняет свое тождество на всех этапах от письменного стола журналиста (или магнитофонной ленты, записанной радиокорреспондентом) до почтового ящика вашей квартиры или транзистора на вашем столе. Указанная характеристика не носит в строгом смысле психологического или социально-психологического характера, она скорее социологична. Мы ввели ее исключительно для того, чтобы противопоставить ей характеристику "ориентации". С этой характеристикой можно, видимо, соотнести понятие "прямого информационного контакта", введенное А.И. Горячевой⁸³ (ср. также понятие "общественного контакта" в "Капитале").

Легко видеть, что две последних характеристики – семиотическая специализация и степень опосредованности – соотнесены со второй из фаз деятельности – фазой реализации плана деятельности. Это характеристики соответственно *средств и процесса* общения, в то время как два первых относились к *ориентировке и планированию* этого процесса. В терминах Л. Тайера, первые две характеристики касаются "стратегических" коммуникационных способностей, вторые две соответственно – "тактических".

Заключая настоящий параграф, еще раз вернемся к тому существенному для нас положению, что знаковое общение является хотя лишь одним из видов общения, но оно не равноправно с другими видами общения: это общение наиболее развитое, наиболее специализированное как деятельность и по своим социальным (и социально-психологическим) функциям. Это заставляет нас провести специальный анализ понятия знака применительно к его роли в деятельности общения и некоторых других видах деятельности.

⁸¹ Лозанов Г. Суггестология и суггестопедия: Автореф. дис... канд. психол. наук. София, 1969; *Он же*. Суггестология. София, 1972.

⁸² Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966. С. 128.

⁸³ Горячева А.И. О некоторых категориях социальной психологии//Проблемы общественной психологии. М., 1965. С. 232.

§ 3. Знак и деятельность

В последние годы заниматься исследованием знаковых аспектов деятельности стало более чем распространенным занятием. Однако существуют лишь единичные исследования, где знак выступает не как элемент виртуальной знаковой системы и вообще не как нечто *данное* в поведении (наблюдаемое), а в его реальном генезисе и реальном функционировании, как нечто *заданное* человеку и конституирующее его деятельность. Иначе говоря, проблема знака и деятельности или, точнее, знака в деятельности, остается почти не разработанной. Это тем более странно, что целый ряд фундаментальных для психологии вопросов, связанных, в частности, с закономерностями взаимоотношения социального и индивидуального в сознании и деятельности, с диалектикой мышления и речи и т. п., может быть успешно решен лишь на путях создания психологической теории знака.

Однако основные тенденции развития семиотики даже противоположны этому психологическому направлению. Само употребление термина “семиотика” стало своего рода сигналом, что данный автор принципиально не проводит качественной границы между знаковыми системами разных типов и в частности – между коммуникативными системами у животных и человеческим языком. Куда более оправдана позиция де Соссюра, писавшего, как известно, что семиотика, или семиология, является “частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии. ...Точно определить место семиологии – задача психолога...”⁸⁴.

При таком понимании более чем проблематично существование зоосемиотики и правомерность разговора о коммуникативных системах животных как о “языках”, хотя и *sui generis*. Если пользоваться терминами Т. Сибеока⁸⁵, – то вся так называемая “зоосемиотика” автоматически сводится к “зоопрагматике” – “знаки”, используемые в коммуникативных системах у животных, не имеют ни семантики, ни синтаксиса (в семиотическом смысле, да, кстати, и в любом другом). Впрочем, коммуникативные системы у животных не удовлетворяют и по крайней мере трем из пяти необходимых признаков языка, сформулированных Ч. Моррисом.

Главное отличие знакового поведения человека и коммуникативно обусловленного поведения животных лежит в совершенно чуждой современной семиотике психологической специфике “человеческого” знака. Мы позволим себе изложить это различие словами Л. С. Выготского: “До самого последнего времени... полагали, что... звук сам по себе способен ассоциироваться с любым переживанием, любым содержанием психической жизни и в силу этого передавать или сообщать это содержание или это переживание другому человеку. Между тем... для того, чтобы передать какое-либо переживание или содержание сознания другому человеку, нет другого пути, кроме отнесения передаваемого содержания к известному классу,... это... непременно требует обобщения.... Таким образом, высшие, присущие человеку формы психологического общения возможны только благодаря тому, что человек с помощью мышления обобщенно отражает действительность”⁸⁶.

Казалось бы, животное тоже способно к обобщению, поскольку оно может производить функциональное отождествление материально различных и функциональное размежевание материально сходных сигналов. Можно ли, однако, ставить здесь знак равенства? Можно ли считать, что слово имеет для человека фиксированное значение постольку, поскольку оно что-то замещает, поскольку оно “стоит вместо”, *is standing for*, другого, неречевого сигнала?

Конечно, нет, и между животным и человеком здесь лежит пропасть. Человек реагирует не на сам знак как физическое явление, не на его “означающее”. Так дело обстоит только у

⁸⁴ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933. С.40.

⁸⁵ Sebeok T. La communication chez les animaux//Rev. int. sc. soc. 1967. Vol. XIX, № 1.

⁸⁶ Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 50–51.

животных, “понимающих” человеческую речь – например, у собаки. И совсем не случайно у собаки нет фиксированной стратегии восприятия слов человеческой речи: она, как показано многочисленными экспериментами, начиная с классических опытов Ф. Дж. Бойтендайка⁸⁷, при подобном восприятии ориентируется прежде всего на акустически доминантные признаки речевого сигнала. Человек реагирует на “означаемое” знака, на значение слова – или, если говорить точнее, вообще на те признаки знака, которые конвенциональны и непосредственно несводимы к тождеству материального звучания. “... Звуки, издаваемые животными, обладают одной общей всем им чертой: они самой природой соответствующих животных организмов предназначены для того, чтобы выражать именно то, что они в действительности выражают.... Между тем слова, принадлежащие собственно человеческому языку, отличаются способностью принимать все новые значения.... Характер необходимости им совершенно чужд. Им не соответствует во внешнем мире ничего непосредственно чувственного”⁸⁸.

Между тем это различие часто недооценивается. Значение понимается именно как способность замещения и только (ср. хотя бы распространенную концепцию С. Огуда, в конечном счете восходящую к “контекстуальной теории значения” Э. Титченера). А “социальность” слова (или значения слова) – это при таком понимании всего лишь общность способа замещения у многих людей, общность конвенциональных признаков. В лучшем случае имеется в виду навязанность отдельному говорящему того или иного употребления социальной средой (ср. “коллективные представления” Э. Дюркгейма) или границы вариантности употребления данного слова, поставленные общением с другими людьми.

А если так, то значение слова перестает быть социальным фактом, его социальный аспект оказывается чисто внешним, случайным. Общество выступает на сцену лишь как механический передатчик частной инициативы от одного индивида к другому.

В этом случае человечество понимается как совокупность индивидов, биологических единиц, живущих сами по себе в биологическом мире и лишь иногда объединяющихся с другими индивидами для каких-то целей. Это, как известно, не соответствует действительности, и ниже мы попытаемся развернуть альтернативную концепцию.

Человек как субъект психических процессов и отношений “не сводим к субъекту сознания и воли, но есть субъект деятельности, которая образует собой весь культурный мир общественного человека, *человеческую действительность*. Деятельность и есть “способ бытия” всей этой действительности, а никоим образом не процесс, замкнутый в одних лишь сознательно предусмотренных и воле адекватных ее аспектах, в одних лишь феноменах “дурной” субъективности.... Он (человек) постигает мир... не как завершенную и замкнутую в ее субстанциональности систему “данностей”, а как мир проблем, решая которые, человек одновременно и наследует, и “достраивает” субстанциональность природы в творимой им истории культуры”⁸⁹. Этот важнейший марксистский тезис⁹⁰ как нельзя более ясно выступает, в частности, в критике Марксом Фейербаха. Так, первый тезис о Фейербахе, как известно, гласит: “Главный недостаток всего предшествующего материализма... заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность*, практика, не субъективно” (3, 1). Ср. также в “Немецкой идеологии” критику Марксом и Энгельсом Фейербаха за то, что тот рассматривает человека лишь как “чувственный предмет”, а не как “чувственную деятельность” и “никогда не

⁸⁷ Buytendijk F.J. Traité de psychologie animale. Paris, 1959.

⁸⁸ Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1. С. 261–262. Говоря о “непосредственно чувственном”, Бодуэн имеет в виду, что функциональная специфика слова человеческого языка не сводится к его материальной форме, доступной для непосредственного восприятия.

⁸⁹ Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философская проблема//Проблема человека в современной философии. М., 1969. С. 81.

⁹⁰ Не следует смешивать этот подход с подходом “философии практики”.

достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой, чувственной деятельности составляющих его индивидов” (3, 44).

В процессе деятельности происходит, с одной стороны, опредмечивание свойств и способностей общественного человека (“особых человеческих сущностных сил”) в “предметах природы” (Маркс), с другой – как бы “распредмечивание” действительности, раскрытие и усвоение человеком сущности этих “предметов природы”, развитие человеческих способностей и форм деятельности на основе включения в деятельность новых объективных свойств и качеств предметов действительности. Каждый из этих предметов есть таким образом двусторонняя, точнее – двуединая, единая в своей двусторонности сущность. Он, во-первых, есть реальный, “естественный”, чувственный предмет, и, “включая предмет в систему деятельности и тем самым в систему своей культуры, человек населяет его огромным множеством идеальных значений, совершенно отличных от реального изменения его реальной формы: предмет “означает” все то, что деятельность заставляет его “обозначать”⁹¹. Он, во-первых, есть источник, из которого человек (индивид) берет материал для того, чтобы строить себя как субъект, как личность, свое деятельное сознание. Здесь мы сталкиваемся с процессом идеализации, превращения реальных предметных форм в идеальные формы благодаря использованию знаков, знаковых систем. “Без постоянно возобновляющейся идеализации реальных предметов общественно-человеческой жизнедеятельности, без превращения их в идеальное, а тем самым и без символизации человек вообще не может выступать в качестве действительного агента, деятельного субъекта общественного производства материальной и духовной жизни общества”⁹².

Язык (речь) выступает в этом процессе в двух видах, в двух различных функциях. С одной стороны, это то, что он является “непосредственным телом идеального образа внешней вещи”⁹³, т. е. основной составной частью системы общезначимых форм и способов внешнего выражения идеальных явлений. С другой, однако, он – как и другие предметы действительности – “имеет чувственную природу”⁹⁴. Мы уже видели, что такое для Маркса “чувственность”. Поэтому к языку в полной мере относится сказанное ранее о других “предметах природы”. Он выступает как *продукт* специфической, адекватной ему деятельности: в языке как общественном достоянии, как части культуры общества, как элементе общественно-исторического опыта, откладываются, опредмечиваются развивающиеся в индивидуальном порядке (хотя и под воздействием общества) и непосредственно испытывающие на себе воздействие социальной среды речевые умения отдельных носителей языка, членов языкового коллектива. Но он, кроме того, еще и объективная *основа* речевой деятельности индивида. Носитель языка, во-первых, формирует свою речевую (языковую) способность, усваивая язык в его предметном бытии и превращая его, по известному выражению Маркса, в “форму деятельности” (особенно ясно этот процесс виден при усвоении неродного языка). Во-вторых, и в процессе речи, при наличии уже сложившейся языковой способности, он постоянно ориентируется на систему и норму языка, строя речь так, чтобы не нарушить известных требований к ее осуществлению – даже если эти требования не вытекают непосредственно из необходимости полного и адекватного понимания речи.

Таким образом, ключ к пониманию места языка в жизни и деятельности общественного человека лежит прежде всего в марксовой идее “чувственной деятельности”, адекватной объективным свойствам языка как предмета, в трактовке языка не просто как закономерного звена фиксированной системы отношений индивида к реальной внечеловеческой и человеческой

⁹¹ Батищев Г.С. Указ. соч. С.105. Было бы точнее оговориться здесь, что то, как предмет включается в деятельность, определяется в очень большой мере его объективными свойствами (хотя можно, конечно, и заколачивать гвозди амперметром). А значит, деятельность не “свободна” в том, что именно заставить означать данный предмет.

⁹² Ильенков Э.В. Идеальное//Философская энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 225.

⁹³ Там же. С. 224.

⁹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 596.

действительности, но главным образом как средства, орудия активной познавательной и продуктивной деятельности человека в этой действительности. И далее (*last but not least*) – в четком понимании соотношения предметной действительности, языка и мира идеального, т. е. в последовательной трактовке языка как *одной из форм взаимодействия субъекта и объекта человеческой деятельности*, как своего рода “мостика”, связывающего совокупный опыт и совокупную деятельность общества, человеческого коллектива, с психикой, сознанием, личностным опытом отдельного члена этого коллектива, как условия и формы существования идеальных явлений.

Уже на этой ступени нашего рассуждения становится очевидной неправомерность одностороннего представления о языке как форме замещения и закрепления элементов чувственного познания. Такая функция, несомненно, у языка имеется. Но ошибочно, как это делает, например, Б. Исмаилов, сводить роль языка в познании *только* к этому. По мнению указанного автора, “скачок от чувственного к рациональному при помощи слова заключается в том, что отвлекаемые и обобщаемые стороны чувственных вещей “отрываются” от прочих их сторон и свойств, соединяются с чувственной материей слова и при помощи слова превращаются в нечувственную форму сознания – в понятие.... Содержание чувственного образа, все более обобщаясь, не уместается в рамках наглядности и выходит из них”⁹⁵. Легко видеть, что при таком подходе мы рассматриваем человека, во-первых, как существо *par excellence* созерцающее, пассивно впитывающее информацию из внешнего мира, из “среды”. И что особенно важно, человек выступает, как “голая индивидуальность”, а не как *общественный* человек; его психика отличается от психики животного лишь количественно, но ничуть не качественно.

Так ли это? Несомненно, не так.

“Все особи, относимые нами к одному виду, именно потому и принадлежат к нему, что связаны некоторой суммой общих всем им свойств, унаследованных от общего родоначальника”⁹⁶. Каждое вновь рождающееся животное воспроизводит в своей биологической природе изменения, накопившиеся за всю историю вида. И то, что специфично для вида и реализуется в индивиде – это прежде всего морфологические признаки, особенности строения тела животных. Прогрессивное развитие, эволюция в мире животных сводится к улучшению биологической приспособленности животных данного вида к условиям жизни этого вида.

Темпы развития человека совершенно не сравнимы с темпами эволюции в животном мире: за время, прошедшее от появления первого каменного топора на деревянной ручке до первого полета человека в космос, лошадь, например, едва успела сменить три пальца на копыто. Но при таких невероятных темпах эволюции морфологические признаки человека существенно не изменились: если бы можно было одеть кроманьонца в европейский костюм и пройти с ним по улицам современного города, никто, пожалуй, и не обернулся бы. Значит, эволюция вида “человек” протекала в какой-то иной, а не биологической сфере, и накопление видовых признаков опыта происходило не в форме морфологических изменений, а в какой-то иной. Эта сфера – сфера социальной жизни человека, эта форма – закрепление достижений человеческой деятельности в общественно-историческом опыте человечества. Теперь видовой опыт отражается не в изменении, скажем, строения руки человека, а в изменении того орудия, которым рука действует, т. е. закрепленных в этом орудии, обобщенных в нем приемов и способов действия с ним. “В орудиях труда человек приобретает как бы новые органы, изменяющие его анатомическое строение. С того времени, как он возвысился до их употребления, он придает совершенно новый вид истории своего развития: прежде она, как у всех осталь-

⁹⁵ Исмаилов Б. Язык и познание мира. Ташкент, 1969.

⁹⁶ Комаров В.Л. Учение о виде у растений. М.; Л., 1944. С. 207.

ных животных, сводилась к видоизменениям его естественных органов; теперь она становится прежде всего историей усовершенствования его искусственных органов”⁹⁷.

Оттого и темпы эволюции человека несоизмеримы с темпами эволюции у животных, что человек никогда не сталкивается с природой, как животное, один на один: даже Робинзон Крузо на своем острове имел в своем распоряжении многовековой опыт всего человечества.

Отношение человека к природе опосредованно его отношением к обществу: он всегда может вволю черпать необходимые навыки, умения, способности из общей кладовой социально-исторического опыта человечества, не дожидаясь, пока природа поставит его перед необходимостью выработать все эти способности в порядке индивидуального приспособления. И возвращаются эти способности “с процентами”: особенности жизни и деятельности одного человека или группы людей обогащают не только их личный опыт, но и коллективный, социально-исторический опыт. Джеймсу Уатту достаточно было однажды изобрести паровой двигатель (или, точнее, обществу было достаточно, чтобы паровой двигатель был однажды изобретен Уаттом), Христофору Колумбу – однажды открыть Америку, Рафаэлю – однажды создать Сикстинскую Мадонну.

Можно сказать, что человек всегда как бы на один шаг опережает природу, не давая ей застать себя врасплох, в то время как животное на шаг отстает от природы. Человек учится на ошибках, – а еще более на достижениях, – других людей, животное же – только на своих собственных.

Но если принять тот тезис, что эволюция человека есть прежде всего эволюция его искусственных органов⁹⁸, то очевидно, что субъектом этой эволюции, равно как и вообще взаимоотношений с природой, является не человеческий индивид, а человеческий род как целое, социум. С биологической средой взаимодействует не отдельный человек, а человеческое общество в целом; именно поэтому внутри этого общества теряют силу такие законы эволюции, как например, закон естественного отбора. Недаром название самого морального принципа, отрицающего правомерность, “естественность” естественного отбора, – мы имеем в виду гуманизм, – произведено от имени человека.

Сказанное распространяется не только на практическую, трудовую деятельность человека, опосредствуемую орудиями труда, но и на его теоретическую, в первую очередь познавательную деятельность, опосредствуемую тем, что Л.С. Выготский называл “психологическими орудиями”, т. е. знаками. “Будучи включено в процесс поведения, психологическое орудие так же видоизменяет все протекание и всю структуру психических функций, как техническое орудие видоизменяет процесс естественного приспособления, определяя форму трудовых операций”⁹⁹.

Усваивая значения слов, ребенок усваивает аккумулярованные в этих словах элементы общественной практики, например, объективно значимые свойства предметов. Язык является для ребенка передатчиком общественных знаний человечества о мире. И усвоение языкового знака – это в первую очередь “распредмечивание” его значения, усвоение опредмеченных в слове способов его употребления – включая сюда как семантику, т. е. означение, так и синтаксис (правила сочетания знаков) и прагматику.

Но если так, то значит, говоря о человеке как биологическом существе, игнорируя то, что субъектом в его взаимоотношениях с природой, с окружающей действительностью выступает не индивид, а социум (или, точнее, индивид как представитель социума, как носитель социальных, а не только биологических признаков), мы допускаем не только философскую,

⁹⁷ Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю//Избранные философские произведения. М., 1956. Т.1. С. 610.

⁹⁸ Pieron H. Le developpement de la pens e conceptuelle et l'hominisation//Les processus de l'hominisation. Paris, 1958.

⁹⁹ Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С. 255.

но и собственно психологическую некорректность. Между тем в ряде направлений современной психологии, в частности, психологии речевого общения, мы сталкиваемся именно с таким – биологизирующим пониманием. Охарактеризуем хотя бы точку зрения Э. Леннеберга по этому вопросу. Наследственность, по его мнению, обеспечивает индивиду “готовность к языку” (language readiness), в которой мы находим “латентную языковую структуру” (latent language structure); приобретение человеком языка есть процесс “актуализации”, превращения этой латентной структуры в реальную. “Социальные условия могут рассматриваться как своего рода спусковой крючок, включающий реакцию. Может быть, лучшей метафорой будет понятие резонанса”¹⁰⁰. При этом характерно, что индивид рассматривается как *causa sui*: причиной его языкового развития является исключительно внутренняя “потребность” (need), но ни в коей мере не “произвольные внешние факторы”, как например, влияние окружающих ребенка взрослых.

Даже если не обращаться к теоретико-методологической стороне проблемы, эти тезисы Леннеберга не представляются бесспорными. Приведем для экономии места только два примера. Исследуя структуру процесса восприятия речи, и в частности механизм перекодировки акустических образов в субъективные признаки, В.И. Галунов вслед за Л.А. Чистович показал, что эти субъективные признаки ни в коей мере не являются врожденными и не просто актуализируются, но заново формируются в процессе обучения¹⁰¹. Относительно роли “внешних факторов” в свое время убедительный материал, как известно, привели А.Р. Лурия и Ф.Я. Юдович, наблюдавшие за пятилетними близнецами с задержанным речевым развитием и весьма развитой автономной речью до и после изменения внешней ситуации (оба ребенка были помещены в детский сад, а один из них проходил систематическое обучение речи)¹⁰².

Весьма показателен тот факт, что в книге Леннеберга, безусловно представляющей собой выдающееся явление в психологической литературе о речи, прекрасно аргументировано биологическими, анатомо-физиологическими и патопсихологическими данными только то, что относится к низшим уровням речевой организации.

Итак, еще раз повторим основную мысль предшествующей части этого параграфа: язык есть орудие активной деятельности человека, одна из форм взаимодействия субъекта и объекта деятельности, связующее звено между общественно-историческим опытом и коллективной деятельностью общества, с одной стороны, и с другой – психикой, сознанием, личностным опытом отдельного человека¹⁰³. Именно в этом своем качестве слово (или какая-либо иная языковая единица) выступает как *знак*. Перейдем к более подробному анализу этого понятия.

Познавая действительность, познавая предметы и явления в их связях и отношениях с другими предметами и явлениями, человек выделяет в этих предметах существенные признаки (существенные с точки зрения общественной практики), абстрагирует их, закрепляет и передает другим людям, которые проецируют закрепленное таким образом общественное знание, общественный опыт на новую действительность, *опосредуя* им свое познание. Этот процесс переживает историческое развитие, проходя по крайней мере два последовательных этапа.

Первым, относительно простым способом закрепления общественного знания является то, что Л.С. Выготский условно называл “удвоением” предмета, т. е. проецирование выделенных и абстрагированных признаков предмета непосредственно на сам этот предмет, как бы взгляд на него с другой точки зрения – тот взгляд, который, по Энгельсу, отличает глаз человека от глаза орла. На этом этапе “обобщение означает, что из конкретного содержания предметов выделяются черты и свойства, которые существенны для действия и являются его специфиче-

¹⁰⁰ Lenneberg E.H. Biological foundations of language. N.Y., 1967. С. 378.

¹⁰¹ Галунов В.И. Структура множества речевых образов: Автореф. дис... канд. психол. наук. Л., 1967.

¹⁰² Лурия А.Р., Юдович Ф.Я. Речь и развитие психических процессов у ребенка. М., 1956.

¹⁰³ Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 214.

ским объектом. Выделяются, но не отделяются! Когда же действие переносится в речевой план, эти средства закрепляются за отдельными словами, превращаются в значение слов, отрываются от конкретных вещей и таким путем становятся абстракциями... Перенесение действия в речевой план означает не только выражение действия в речи, но прежде всего речевое выполнение предметного действия – не только сообщение о действии, но действие в новой, речевой форме”¹⁰⁴.

По-видимому, некоторые идеи, выработанные школой Л.С. Выготского применительно к особенностям онтогенетического развития языкового мышления, могут быть использованы и при анализе его филогенеза. Разумеется, в постановке вопроса здесь имеются принципиальные отличия. В первом случае мы имеем исторически сложившуюся систему знаний, умений, способностей, “задаваемую” каждому индивиду для усвоения и с той или иной степенью полноты усвояемую (по Марксу, “присваиваемую”) им. Во втором случае налицо двусторонний процесс возникновения этой системы, с одной стороны, и психофизиологических предпосылок для формирования соответствующих способностей у индивида – с другой. Мы будем подходить к вопросу с этой точки зрения, отвлекаясь пока от исследования соответствующей социальной системы.

Остановимся прежде всего на противоположности специфически человеческого умственного действия, т. е. мысли, и высших форм поведения животных. У животных принципиально невозможен процесс интериоризации, так как у них немислимо формирование новых действий по образцу¹⁰⁵, лежащее в основе присвоения человеком социально-исторического опыта. “Формирование новых действий идет у них двумя путями: или путем проб и ошибок с постепенным отсевом неудачных движений, или на основе восприятия правильного пути между предметами; в обоих случаях контролем служит только подкрепление или неподкрепление. Даже подражание является у животных лишь одним из средств второго пути.... Действие по заданному образцу выражает общественную природу человеческого обучения, а контроль за этим действием – характерное общественное отношение к своему действию: как бы со стороны других людей и с помощью ими данного критерия”¹⁰⁶.

Таким образом, действие по заданному образцу, сопровождаемое контролем, “удвоенное”, предполагает общественный контроль, осуществляемый в социальных, экстериоризованных формах. Какими могли быть формы такого контроля у истоков формирования языкового мышления? Они не могли быть ничем иным, кроме абстракций действия, закрепленных во внешней, следовательно, кинестетической или речевой форме. Едва ли, впрочем, мы вправе говорить здесь о “кинестетической *или* речевой” форме, так как процесс абстрагирования непременно должен был иметь связь с обеими этими формами. С одной стороны, дальнейший переход к чисто речевому действию необходимо предполагает *отделение действия* от конкретного предмета, от конкретной предметной ситуации, принципиальную возможность его имитации; по А.Валлону¹⁰⁷, в основе такого отделения лежит ритуальное использование действия. С другой стороны, этот переход предполагает на каком-то этапе *сосуществование* этих форм.

По-видимому, когда речевое действие еще не было отделено от предметного, система речевых средств выступала в двоякой функции. С одной стороны, это была форма обобщения действия, первичная форма мышления наряду с мышлением “ручным”, кинестетическим. При этом следует иметь в виду, что конкретные предметные условия действия едва ли отражались

¹⁰⁴ Гальперин П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий//Психологическая наука в СССР. М., 1959. Т. I. С. 456.

¹⁰⁵ Т.е. осознанное подражание, предполагающее понимание по крайней мере цели и средств действия, умения повторить действие с любым материалом и в изменившихся конкретных условиях. См.: Гальперин П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий//Психологическая наука в СССР. М., 1959. Т. I. С. 447–448.

¹⁰⁶ Там же. С. 461.

¹⁰⁷ Валлон А. От действия к мысли. М., 1956.

в речи даже в обобщенной форме: не случайно даже в большинстве современных языков мира орудия и предметы труда называются, как правило, по действию. С другой стороны, необходимость обобщения *сама по себе* не приводит к необходимости перехода от предметного к чисто речевому действию и, следовательно, у речевого действия должны были быть какие-то дополнительные преимущества по сравнению с предметным.

Мы не можем допустить, что таким преимуществом являлась членораздельность речи со всеми вытекавшими из нее последствиями, так как членораздельность, как это видно из палео-антропологических данных¹⁰⁸ – достижение сравнительно позднего этапа в развитии языкового мышления. Вероятно, речевые средства уже использовались в какой-то функции, отличной от функции обобщения, но совместимой с ней. И естественно предположить, что это и была коммуникативная функция, функция *общения*.

Как видно из сказанного, на этапе “удвоенного” действия у нас еще нет оснований говорить о знаковости. Она связана со следующим этапом развития описываемого способа познания действительности, начинающимся тогда, когда общественно значимые признаки предметов и явлений закрепляются в особой, специфической форме – форме так называемых *квазиобъектов*¹⁰⁹.

Понятие квазиобъекта введено советскими философами в связи с анализом марковского понятия “превращенной формы” – понятия, неоднократно встречающегося на страницах “Теорий прибавочной стоимости” и “Капитала”. Особенность превращенной формы, “отличающая ее от классического отношения формы и содержания, состоит в объективной устраненности здесь содержательных определений: форма проявления получает самостоятельное “сущностное” значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случаях символизма) и становится на место действительного отношения. Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем – именно своей обособленностью и бытийностью – роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы. При этом связи действительного происхождения оказываются “снятыми” в ней. Прямое отображение содержания в форме здесь исключается”¹¹⁰. Примером может являться денежная форма, которая является превращенной товарной. В превращенной форме важна, во-первых, сама “превращенность” отношений, во-вторых, ее качественно новый характер. Структуру превращенной формы “можно представить в виде следующей последовательности: выключение отношения из связи – восполнение его иной предметностью и свойствами – синкретическое замещение предшествующего уровня системы этим формообразованием”¹¹¹.

Итак, квазиобъект, будучи поставлен на место системы отношений, в которую включен своими существенными признаками познаваемый нами предмет или явление, как бы “привязывает” “проявление этих отношений в какой-либо субстанции, конечной и нерасчлняемой”, и восполняет их “в зависимости от ее “свойств””¹¹². Отсюда возникают “мнимые предметы”: труд и капитал, знаки языка и т. д. “В предметах нет и на деле не может быть непосредственной связи между стоимостью и трудом, между знаком и объектом и т. д.”¹¹³ При определенных условиях эти мнимости мистифицируют сознание, выступая в качестве “независимых” от

¹⁰⁸ Буняк В.В. Происхождение речи по данным антропологии//Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951. С. 232–233; Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963. С. 69–70, 85.

¹⁰⁹ Сам термин “квазиобъект” не представляется нам удачным. Однако, чтобы не вводить дополнительных терминологических сложностей, мы будем придерживаться его в тексте настоящей работы.

¹¹⁰ Мамардашвили М.К. Форма превращенная//Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 387.

¹¹¹ Мамардашвили М. К. Указ. соч. С. 387.

¹¹² Там же. С. 388.

¹¹³ Там же.

человека, наделенных видимой “самостоятельностью” феноменов (отсюда фетишизм, феномены духовного отчуждения и т. п.).

Очерченное понимание исключительно важно и для собственно психологического исследования, для полноценной марксистской трактовки явлений *сознания*. Оно прежде всего требует отвлечения от замкнутого “в себе” изучения механизмов индивидуального сознания. “Чтобы проникнуть в процессы, происходящие в сознании, Маркс производит следующую абстракцию: в промежутке между двумя членами отношения “объект (вещественное тело, знак социальных значений) – человеческая субъективность”, которые только и даны на поверхности, он вводит особое звено: целостную систему содержательных общественных связей, связей обмена деятельностью между людьми, складывающихся в дифференцированную и иерархическую структуру. Затем он изучает процессы и механизмы, вытекающие из факта многократных переплетений и наслоений отношений в этой системе, по уровням и этажам которой объективно “растекается” человеческая деятельность, ее предметно закрепляемые общественные силы.

Введение этого посредствующего звена переворачивает все отношение, в рамках которого сознание изучалось. Формы, принимаемые отдельными объектами (и воспринимаемые субъективно) оказываются кристаллизациями системы (или подсистем) отношений, черпающими свою жизнь из их сочленений. *А движение сознания и восприятия субъекта совершается в пространствах, создаваемых этими же отношениями, или, если угодно, ими замыкается. Через эти отношения и должен пролегать реальный путь изучения сознания, то есть того вида сознательной жизни мотивов, интересов и духовных смыслов, который приводится в движение данной общественной системой*¹¹⁴ (курсив наш. – А.Л.).

“Объективные мыслительные формы” – смыслы, значения и т. п. – это и есть результат движения в “пространстве” реальных отношений, но не прямое отображение этих отношений. Будучи перенесены на квазиобъект и в этом качестве став достоянием сознания, признаки, свойства, отношения действительности претерпевают кардинальное преобразование: форма, в которой они выступают, оказывается “снятой”, свернутой, переструктурированной и дополненной тем, что содержится уже в самом квазиобъекте. Отсюда огромной важности гносеологическая задача – при каждом анализе конкретной “превращенной формы” четко разделять те связи, признаки и отношения, которые перенесены нами на квазиобъект и преобразованы в нем, и те, которые мы находим в самом квазиобъекте, которые образуют его сущность и специфику.

Как уже отмечалось выше, язык есть именно такая система квазиобъектов, где на место реальных отношений подставлена их “видимая форма”. Если понимать язык таким образом, то ряд псевдопроблем в исследовании языкового знака сам собой отпадает, как например “проблема” идеальности и материальности знака, “проблема” предметной отнесенности (и вместе с нею знаменитый “треугольник” Огдена – Ричардса и все его модификации в последующих работах других авторов). То, что дано нашему сознанию в наблюдении, то в языке, что *предлежит* сознанию, ни в коей мере не исчерпывает сути дела. Поэтому-то семиотический и лингвистический подходы к знаку при всей видимой тонкости анализа *принципиально* не могут вскрыть его сущности.

Понятие квазиобъекта как “превращенной формы” действительных отношений неразрывно с понятием *идеального*. Квазиобъект, прежде всего языковой знак, как раз и является “непосредственным телом идеального образа внешней вещи”¹¹⁵, основной составной частью системы общезначимых форм и способов внешнего выражения идеальных явлений, продолжая в то же время иметь “чувственную природу” (Маркс). Естественно, что при этом мы не

¹¹⁴ Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса//Вопросы философии. 1968. № 6. С. 17.

¹¹⁵ Ильенков Э.В. Идеальное//Философская энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 224.

можем забывать, что само идеальное “непосредственно существует только как форма (способ, образ) деятельности общественного человека, т. е. вполне предметного, материального существа, направленной на внешний мир. Поэтому, если говорить о материальной системе, функцией и способом существования которой выступает идеальное, то этой системой является только общественный человек в единстве с тем предметным миром, посредством которого он осуществляет свою специфически человеческую жизнедеятельность. Идеальное ни в коем случае не сводимо на состояние той материи, которая находится под черепной крышкой индивида, т. е. мозга.... *Идеальное есть особая функция человека как субъекта общественно-трудовой деятельности, совершающейся в формах, созданных предшествующим развитием*”¹¹⁶ (курсив наш. – А.Л.). Идеальный образ “опредмечен в теле языка”.

Понятие знака, собственно, и возникает как следствие из такого понимания идеального. *Знак – это квазиобъект в его отношении к реальному объекту*, как его заместитель в определенных ситуациях деятельности¹¹⁷. Квазиобъект, выступая как знак, может сохранять свое “материальное существование” (Маркс), свое “вещественное бытие”. Но у знаков “функциональное бытие поглощает, так сказать, их материальное бытие” (23, 140). Это означает, что в качестве знака (по терминологии Э.В. Ильенкова – “символа”) может выступать сама вещь как таковая (“когда, например, руководитель работ в первобытном обществе в определенной ситуации брал в руки топор, то это воспринималось как приказ начать, скажем, рубку леса”)¹¹⁸. Но эта его материальная, вещественная оболочка является для него чем-то несущественным, и “далее материальное тело этой вещи приводится в согласие с ее функцией.

В результате символ превращается в знак, то есть в предмет, который *сам по себе* не значит уже ничего, а только представляет, выражает другой предмет, с которым он непосредственно не имеет ничего общего, как например, название вещи с самой вещью”¹¹⁹. Это – путь к появлению языкового знака, который и есть, таким образом, знак “в чистом виде”, знак, “материя” которого *подчинена* его функциональному бытию.

Известную сложность представляет, однако, тот факт, что под *одним и тем же* названием “знака” в практике научного исследования выступают *три* различных аспекта, по существу три несовпадающих понятия. Это, во-первых, знак как реальный компонент реальной деятельности, как вещь или материальное языковое “тело”, включенное в деятельность человека (знак₁). Это, во-вторых, знак как идеальный образ, как эквивалент “реального знака” в обыденном сознании (знак₂). Вслед за Е.Н. Соколовым¹²⁰ мы вправе понимать этот внутренний образ как внутреннюю *модель*, в известном (но ограниченном!) смысле программирующую деятельность субъекта благодаря тому, что она соответствующим образом моделирует внешний мир. Для языковых знаков выделение этого аспекта особенно существенно в связи с понятием значения (см. об этом ниже). Наконец, в-третьих, под знаком можно понимать продукт научного осмысления структуры и функций объективного знака, т. е. знаковую модель (знак₃). Все три аспекта, как правило, нечетко разграничиваются или вообще не разграничиваются в практике научного исследования. Между тем для наших – психологических – целей их разделение исключительно важно¹²¹.

¹¹⁶ Ильенков Э.В. Там же. С. 221.

¹¹⁷ Полторацкий А., Швырев В. Знак и деятельность. М., 1970. С. 16–18.

¹¹⁸ Там же. С. 27.

¹¹⁹ Ильенков Э.В. Указ. соч. С. 224. Ср. также: Коришнов А.М. Теория отражения и творчество. М., 1971. С. 31.

¹²⁰ Соколов Е.Н. О моделирующих свойствах нервной системы//Кибернетика, мышление, жизнь. М., 1964.

¹²¹ Быть может, целесообразно ввести вместо одного термина “знак”, получившего в тексте данной работы цифровые индексы, соответственно понятия *знака* (знак₁), *знакового образа* (знак₂) и *знаковой модели* (знак₃).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.